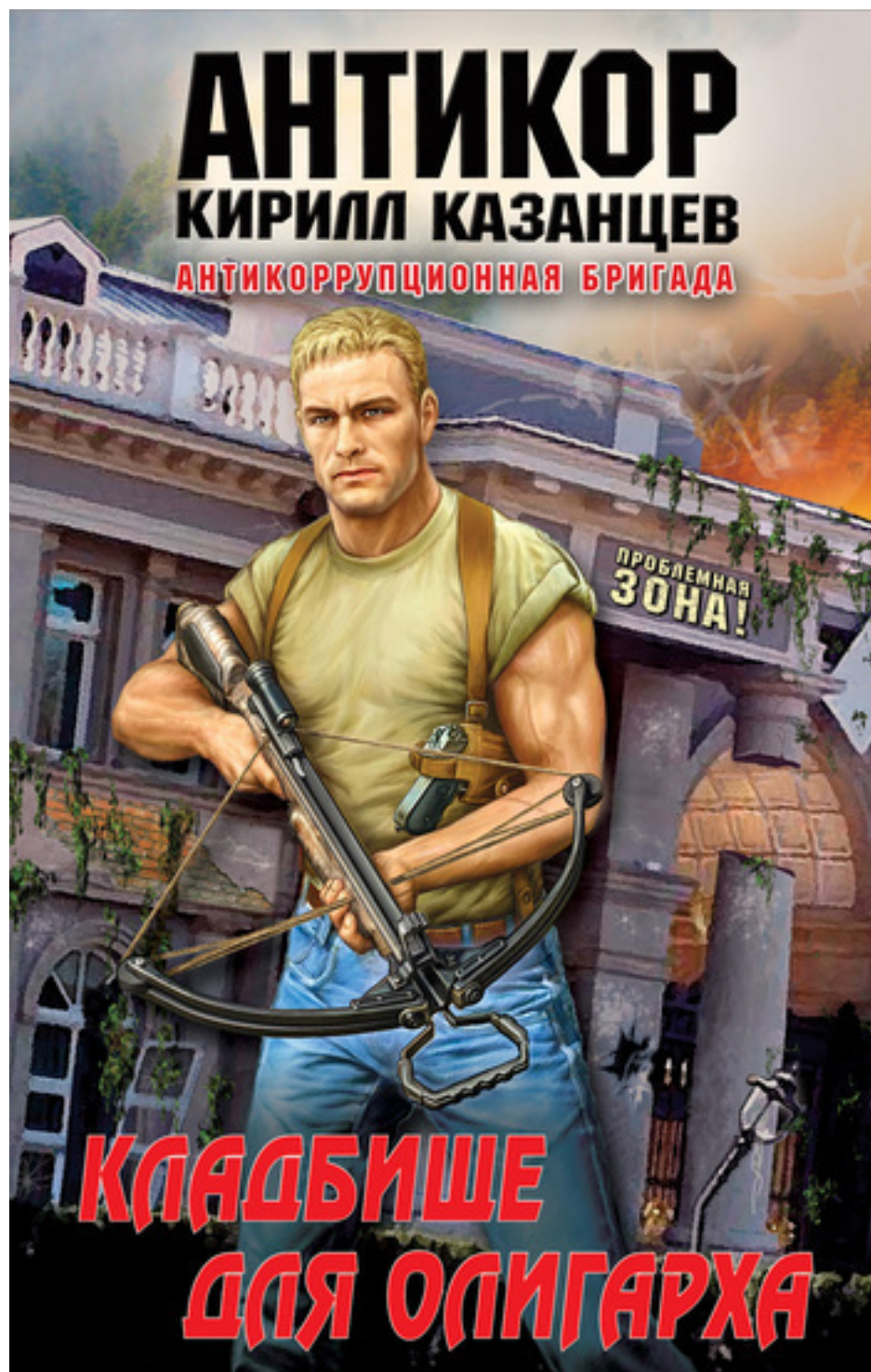

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

Антикор

Кирилл Казанцев

Кладбище для олигарха

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Кладбище для олигарха / К. Казанцев — «Эксмо»,
2012 — (Антикор)

Тайная организация по борьбе с коррупцией «Антикор» пустяками не занимается. Ее лучший боевик Андрей Ларин направлен в элитный поселок на берегу Ладоги. Там, на закрытой территории, огороженной высоким забором с колючей проволокой, возводится какой-то особо секретный и дорогостоящий объект. Территорию охраняют вооруженные люди и жестокие псы, готовые в клочья разорвать всякого, кто осмелится приблизиться к объекту. Население поселка смертельно боится этого места, даже в мыслях своих не пытаясь заглянуть за забор. Известно только, что сверхсекретную стройку затеял печально известный коррупционер Угрюмов. Ларину придется в одиночку выяснять, что, по чьему заказу и на чьи деньги строится на берегу озера...

© Казанцев К., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Казанцев

Кладбище для олигарха

Глава 1

Тревожно шумели листвой в летней ночи старые кладбищенские деревья. Среди них чернел силуэт бревенчатой часовни, увенчанный покосившимся крестом. Ветер, порывами налетавший с Ладожского озера, гнал по аллеям старого кладбища прошлогодние ажурные листья. По небу плыли низкие облака, в их редких разрывах то и дело нервно вспыхивали звезды.

В километре от кладбища россыпью догорающего костра переливались огоньки поселка Никитина Грива. Но был еще и одинокий огонек на самом кладбище. Он мерцал, размытый меж старых могил. Вроде бы кому быть ночью на заброшенном кладбище? Да и ветер давно бы погасил свечку, если бы кто-то днем оставил ее на могиле. Мистика? Однако всему находится свое реальное объяснение.

Высокая кованая ограда одной из дореволюционных могил была аккуратно затянута кусками толстой полиэтиленовой пленки, которой обычно затягивают парники на дачах. Внутри этого «кладбищенского парничка» и горела дешевая парафиновая свечка, воткнутая в консервную банку от детского питания, засыпанную мелким озерным песком.

Широкая каменная плита надгробия была сервирована по всем правилам. Расстелена газетка, из-под которой выглядывала лишь старорежимная буква «Ъ» на конце фамилии покойного. Поверх газетки стояли пластиковые стаканчики, лежала разломанная кирпичина формового хлеба да пучки зеленого лука, на корнях которого еще чернела непросохшая земля, ведь его вырвали совсем недавно на дачном огороде. В углу стоял аккуратно скрученный дражный матрас, по разные стороны от могильной плиты сидели заскорузлый бомж с всклокоченной бородой и молодой парень со спитым лицом, в тельняшке.

– Вот ты, Витек, – проговорил бомж, шамкая, – за ум взяться не хочешь. Как вернулся с дембеля, как начал праздновать, никак остановиться не можешь. Хочешь таким, как я, стать?

– Ты, дядя, мне мозги не парь. Я десантура. Понимаешь, де-сан-тура, – Витек ткнул себя пальцем в грудь, – а десантура все может. Захочу – брошу пить. Захочу – буду. Ты давай наливай, не тяни.

Бомж зашевелился, вытащил из-за памятника старую резиновую грелку, открутил пробку и осторожно налил в пластиковые стаканчики желтоватую жидкость.

– Ну, чтобы все того, – неопределенно провозгласил тост бывший десантник, криво чокнулся пластиковым стаканчиком с бомжем и выпил, тут же захрустел зеленым луком, предварительно помакав его в спичечный коробок, в котором пересыпалась соль.

– Я тебе так скажу, Витек, хоть и знаю тебя всего ничего. Завязать пить трудно, но надо, – принялся втолковывать молодому парню умудренный жизнью бомж. – У тебя еще вся жизнь впереди. Жениться надо, детей завести.

– А то ты не женился, детей не завел. Сам же мне рассказывал. А потом твоя ж супружница тебя из квартиры и выставила, с хахалем теперь живет...

– Вот когда вырастишь детей, на ноги их поставишь, тогда и можешь пить.

Десантник легкомысленно махнул рукой.

– Ты мне лучше скажи, где это пойло берешь? Крепкое, зараза. Но пьется легко. На корнях каких настояно?

Бомж вздохнул, разлил остатки пойла из грелки, потряс ее над стаканчиком десантника, вытряхивая последние капли.

– Да так, добрые люди угостили.

– Заливаешь! Такое пойло только для себя делают. Это же самогонка, и не абы какая, – десантник с сожалением посмотрел на жидкость, плескавшуюся на дне стаканчика. – Хорошо, но мало. Небось украл где.

– Я не краду, – уверенно произнес бомж и тут же тревожно выглянул из своей пластиковой конуры. – Приехал кто-то.

И в самом деле – у ворот кладбища блеснули и погасли фары.

– Менты, что ли? – Десантник тут же дунул на свечку, еще несколько секунд можно было рассмотреть тлеющий фитиль и струйку над ним, наконец и эта последняя световая точка исчезла.

Сквозь грязный полиэтилен бомж и десантник наблюдали за тем, как движутся по аллейке два мужских силуэта.

– Не похожи на ментов, – прошептал десантник. – Менты, они всегда наглые. А эти осторожно чешут.

– Хрен их знает, что им тут ночью понадобилось. Несут что-то, – прищурился бомжара.

Приехавшие мужчины уже мелькали меж могил, а затем исчезли из поля зрения. Послышалось, как лезвие лопаты врезается в землю.

– Гробокопатели? – прищурился десантник. – Шугануть их отсюда надо или ментам сдать.

– Да сиди ты, – прислушивался бомж. – Покопали-покопали, и все? Нет, не могилу они разрывают.

В кладбищенской тишине ясно прозвучали легкие удары молотка, гулко отзывалось сухое дерево. Мужские силуэты вновь замелькали меж могил. Зашуршала неубранная прошлогодняя листва на аллейке, на нее наложились голоса:

– Может, мы не с той стороны крест поставили, товарищ капитан?

– Не возвращаться же теперь.

Силуэты миновали кирпичные ворота. Вновь полыхнули фары. Микроавтобус развернулся и уехал.

– А может, и менты, – предположил десантник. – Воякам-то какой смысл на кладбище приезжать?

– А ментам? – резонно возразил бомжара и тут же предупредил обозначившееся движение десантника. – Лучше туда не ходить. Мало ли что менты задумали. Натопчемся по-темному, следы оставим, потом прицепятся. Давай лучше допьем.

Что и сделали, не откладывая.

По голодным глазам десантника нетрудно было понять, что на достигнутом он не хочет успокаиваться. Витька хитро прищурился.

– А ведь у тебя, дядя, еще припасено. Ты ж запасливый, я знаю.

– Точно тебе говорю – последнее допили.

– Я же по твоей морде вижу – если и нету, то знаешь, где взять.

– Знаю, – неохотно признался бомж. – Но лучше сейчас туда не соваться. Во-первых, далеко. А во-вторых...

– Для бешеной собаки семь верст не круг. Я же десантура. Скажи где, стоняю. Не обману, вместе и выпьем.

Бомж задумался, а затем отрицательно покачал головой.

– Боюсь.

– Значит, украл все-таки.

– Да не в этом дело. Страшно, и все. Не крал я ничего, просто взял.

– Ну, и где ж это просто так самогонку берут? – скорчил недоверчивую гримасу бывший десантник и машинально поправил рукой на голове несуществующий берет.

– За забором, на «зоне». Там как людей выселили, много чего осталось. Домик один я отыскал, по Садовой, тридцатый. Там в подвале и закатки остались с огурцами-помидорами, и огромная бутылка оплетенная, литров на сорок, с вот этим вот самым, – бомж ткнул пальцем в пустую до обидного грелку.

– Да ну, – сперва изумился десантник, а затем призадумался. – Садовая, тридцать? Так это ж я знаю. Бабуся моей, покойницы, подружка там жила. Все выезжать не хотела, до последнего держалась, даже когда забор ставили. С ментами ее выселять приехали. Сердце и прихватило. В больнице и откинулась. Мне мать рассказывала. Так что вполне может быть, что в подвале и осталось... Голова ты, дядя. Пошли, – и Витек нетерпеливо потянул с собой бомжа.

Тот только и успел, что сунуть пустую грелку за пазуху.

– Тяжелая бутылка, зараза. Я как нашел, сперва унести ее хотел. Но одному не упереть. Вот и забухал прямо там, в подвале. Огурчики, помидорчики маринованные, и хлеба немного у меня с собой было. Вот, думал, жизнь пошла, – рассказывал бомж, еле успевая за широко шагавшим по дороге десантником.

– Ну, и что дальше?

– Набухался, что мама постой. Прямо в подвале и вырубился. Ночью очнулся, надо мной люк открытый, – бомж боязливо оглядывался, голос его стал тревожным, словно он был не на проселке, а уже вернулся на страшное место. – Слышу, кто-то ходит, и мягко так ступает, почти неслышно. А потом смотрю – морда какая-то в люк сунулась. Ты ж чертей никогда не видел?

– До чертиков никогда не допивался.

– Я тоже раньше не видел. А вот тут и встретились. Глазища – во, и горят синим огнем. И рот весь зеленый, огненный, зубы светятся. И дым вроде как из пасти. Я затаился и пошевелился от страха не могу. А он, черт этот зеленый, на меня смотрит и рычит, как зверь дикий.

Десантник даже остановился.

– Врешь, дядя. Это белая горячка у тебя началась. Ты ж, видно, больше литра выжрал. А в ней градусов шестьдесят, не меньше, – молодой парень заглянул бомжу в глаза и почувствовал, что тот не врет. – А дальше?

– Не знаю, сколько он на меня смотрел. Время длиннее жизни показалось. А потом назад двинулся и исчез. Как рассвело, я выглянул – пусто, никого. Грелку старую отыскал, самогонки этой желтой в нее набулькал – и назад к себе домой на кладбище, только пятки сверкали.

– Мы с тобой, дядя, эту бутылку вдвоем на твоё кладбище и перетянем. Ты не сомневайся, я же десантник. В минометном расчете и первым, и вторым номером побывал. Плиту минометную на себе по горам таскал. Прорвемся!

– Боязно.

– Да показалось тебе, перепил. Нет никаких чертей. А если есть, то против российского десантника они тьфу, – молодой человек смачно плюнул на бесконечный бетонный забор, который, перерезая поселок, уходил к озеру.

– Вон там перелезть можно, – показал пальцем бомж, – там спираль колючки не прикручена, – он отыскал под забором длинную палку и, подцепив ею спираль колючки, растянутой поверх забора, поднял ее.

Десантник сперва помог взобраться на забор бомжу, а когда тот исчез по другую сторону, лихо заскочил сам, совершил выход силой и спрыгнул.

Перед ними растянулась безлюдная улица, бывшая когда-то окраиной поселка Никитина Грива. Некоторые дома, жителей которых отсюда выселили, успели разобрать и вывезти. Другие стояли с содранными крышами, выбитыми окнами. Ребра стропил четко читались на ночном небе.

– Садовая, тридцать, – наконец-то выпивоха остановился.

– Этот дом, он самый, – подтвердил бомж.

– Фонарика у нас нет, и свечку прихватить не догадались, – хозяйничал в брошенном доме десантник.

Наконец Витька отыскал старые газеты, скрутил из них несколько тугих бумажных факелов, шелкнул зажигалкой.

– Спускайся. Мне подашь, а я подхвачу. Смотри, только не разбей, – бывший десантник уже облизывал пересохшие губы в предвкушении выпивки.

Бумажный факел горел в его руке неровно. Бомж, кряхтя, спустился в подвал по деревянной стремянке. Молодой парень, лежа на животе, светил ему факелом, сунув его в люк.

– Вот она, вот она, родимая, – бомж уже забыл о прежних страхах, – литров тридцать будет, а то и сорок!

Пошатываясь, боясь выпустить оплетенную бутыль, в которой булькало и переливалось, бомж водрузил ее на поперечину стремянки, поднялся выше и с усилием подал десантнику. Тот картинно легко подхватил тяжелую бутыль, тут же вытащил бумажную пробку и нюхнул.

– Хороша, зараза! Может, тут и глотнем? Стаканчик там или кружку поищи.

Бомж двинулся на веранду, зазвенел посудой, ругался, ничего не находя, а затем двинулся во двор. Десантник как раз успел поджечь следующий факел от догорающей газеты, как внезапно с улицы донеслись какие-то странные звуки: мягкие, почти неслышные шаги, словно кто-то крался. Следом за ними прозвучало утробное рычание, на него наложилось отчаянное причитание бомжа:

– Черти, черти...

Десантник выглянул на веранду. По улице в сторону дома двигались три странных существа – огромные, как волки, на четырех лапах. Их огромные глаза горели ярким фосфоресцирующим огнем. Светящиеся пасти желтели клыками.

– Назад в дом, дверь закрывай! – крикнул десантник.

Бомж рванул что было силы от умывальника летней кухни. В руке он сжимал эмалированную кружку.

Десантник влетел внутрь дома и готов был захлопнуть дверь за бомжем, чтобы отрезать от него утробно рычащих «чертей». Но бомж споткнулся о порог, растянулся, и странные существа с огненными глазами, похожие то ли на волков, то ли на собак, набросились на него.

Витек спяну еще попытался ударить одно из этих существ ногой. Но тут же блеснула клыками огненная пасть. Он отпрянул, споткнулся. Бутыль с самогонном качнулась, и спиртное полилось из горлышка на дощатый пол.

Десантник замер, завидев в неверном свете факела, как клыки вонзились в горло бомжу, как тугой струей брызнула кровь, как задергалось в конвульсиях тело. И тут сработала армейская подготовка. Один прыжок, и Витек уже висел на краю чердачного люка. Он быстро взобрался наверх и глянул вниз.

Бомжу было уже не помочь. Одно из существ встало прямо под люком и прыгало, истошно клаца зубами. Оброненный бумажный факел догорал на полу. К нему пыльной лужицей натекала самогонка. Она вспыхнула синим, почти невидимым пламенем.

Вскоре десантник уже ничего не мог различить внизу. Все затянуло дымом, из которого доносилось чавканье и рычание. Добравшись до слухового окна, он вышиб его ударом ноги, спрыгнул, перевернулся через голову, перемахнул через изгородь и стремглав побежал по безлюдной выселенной улице.

Как оказался возле бетонного забора, десантник так и не понял. Оставалось только подпрыгнуть, уцепиться за его верх и подтянуться. И тут что-то метнулось к нему. В ночи блеснули огромные огненные глаза. Витек уже висел на заборе. Фосфоресцирующие клыки клацнули, и он ощутил боль в бедре. «Черт» повис на его ноге.

Десантник понимал, что если сорвется, то с ним будет то же самое, что и с бомжем. Вися на одной руке, чувствуя, как пальцы медленно соскальзывают с бетона, другой рукой он что

было силы ударил в голову существу – прямо в огненные горящие глаза. Клыки разжались, и Витек каким-то чудом оказался по другую сторону забора.

Мирно горели фонари. В окнах некоторых домов разноцветными огнями переливались экраны телевизоров.

– С-с-суки, – прохрипел десантник, оттягивая спортивные штаны и разглядывая рваную кровоточающую рану. – Чуть кусок мяса мне не выгрыз.

Придерживая рану ладонью, Витек заковылял по улице к центру поселка.

– Когда не надо, повсюду менты. А тут глухо.

* * *

Андрей Ларин давно «похоронил» себя прежнего. Не каждому это удастся. Прошлая жизнь уже не беспокоила его, как это случается, словно ампутированная нога или рука, отрывающаяся внезапной фантомной болью. Нет, он помнил, что служил когда-то в Наро-Фоминске старшим оперуполномоченным, в деталях мог восстановить подробности последнего, рокового для него дела, которое вел. Он всего лишь делал свою работу, и делал, как понимал, честно. Но наказать зарвавшегося продажного чиновника по закону не удалось. Ларин потерял должность, погоны. Его начальник, называвший Андрея своим другом, первым предал его. А негодяй-чиновник разгуливал на свободе, делал карьеру, совращал малолетних, гробил чужие судьбы. Вот уже и против Ларина было возбуждено уголовное дело. И тогда Андрей поступил так, как подсказывала ему совесть. Все законные методы он исчерпал – оставался только самосуд. Он хорошо помнил, как нажал на курок и ощутил облегчение, увидев негодяя мертвым. А потом был суд и долгий срок на зоне «Красная шапочка», где отбывали наказание бывшие милиционеры и прокурорские работники. Казалось, что все потеряно: семья, честное имя...

В те трудные годы Ларина поддерживала лишь мысль, что он не мог поступить иначе. Это значило бы потерять самоуважение. И тут в его жизни странным образом возник Павел Игнатьевич Дугин. Кто на самом деле этот пожилой мужчина с красноватым мясистым лицом, Андрей не знал до сих пор, хотя и догадывался, что тот официально занимает генеральскую должность в одной из аналитических структур МВД. Но зато он знал точно, что именно Дугин создал в стране тайную организацию по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. Павел Игнатьевич, будучи гением от конспирации, сумел объединить честных офицеров силовых структур и спецслужб, которые не могли мириться с тем, что творится в стране. Именно Дугин сумел вытащить Ларина из зоны, имитировав его гибель. Так что по документам Андрей был теперь мертвее мертвых. Где-то в окрестностях зоны даже имелась его могила, которую он никогда не видел. А пластическая операция изменила лицо Ларина до неузнаваемости.

Павел Игнатьевич искал таких людей, как Ларин, по всей стране – находил и привлекал в свою организацию, наводившую ужас на продажных чиновников и высокопоставленных силовиков. Ведь главным принципом организации было: с коррупцией можно эффективно бороться всеми способами, в первую очередь противозаконными – разить врага его же оружием. В тайную разработку попадали самые зарвавшиеся чиновники. На одних методично собирався компромат, а затем эффективно вбрасывался в социальные интернет-сети, предавался огласке. И тогда тот, кто считал себя выше народа, понимал, что даже в сегодняшней России общественное мнение – это не пустой звук. Следовали тихие или громкие отставки, иногда в тиши кабинета звучал выстрел, и очередного казнокрада или генерала, крышующего преступный бизнес, находили мертвым. Другим виртуозно делались подставы. Попавшие на крючок теряли преступно нажитые состояния и должности. Много способов было у Павла Игнатьевича.

Аналитики собирали информацию, поступающую от всех честных офицеров, входящих в организацию, сеть которой были окутаны все силовые структуры, спецслужбы и органы госу-

дарственной власти. Дугин решал, кем из коррупционеров следует заняться в первую очередь. А уж агенты, такие как Ларин – своеобразные «боевые копы» организации, – воплощали планы в жизнь, реализовывали справедливую месть. Именно в таком качестве Андрей и воспринимал себя. С прошлой жизнью, как ему казалось, было покончено окончательно и бесповоротно. Даже сердцем он понимал, что, если случайно встретит на улице свою бывшую жену, предавшую его, ничего не шевельнется в его душе. Он просто пройдет мимо и забудет о встрече...

* * *

Уже вечерело, когда Ларин сошел с поезда на станции Никитина Грива. В августе ночи хоть и длинные, но теплые, даже здесь, на Ладоге. И хоть самого озера отсюда не было видно, но чувствовался свежий ветер, дувший с него. В воздухе ощущалась свежесть и влага. Андрей и сам еще не знал, зачем понадобилось Дугину срочно вызывать его в этот живописный уголок.

Поезд стоял всего пару минут и, вновь застучав колесами, понесся вдаль. Моросил мелкий дождь. На станции под железобетонным навесом стояло всего несколько человек, ожидавших местный дизель на Санкт-Петербург. На плече у Ларина болталась спортивная сумка, в кармане лежали ключи от машины, заранее переданные ему Дугиным еще в Москве.

Эта поездка вполне могла оказаться очередной проверкой Андрея на лояльность к организации. Так уже случалось не раз. Павел Игнатьевич постоянно испытывал своих людей, проверяя – способны ли они сдать своих товарищей по борьбе с коррупцией. Ведь уже бывало и так, что Ларина арестовывали, вели на допрос, били, угрожали, выкладывали перед ним неопровержимые факты его сотрудничества с Дугиным. Он оставался в полной уверенности, что попал в руки настоящим правоохранителям и следователям, которые вот уже сколько лет подряд пытаются вычислить и ликвидировать их организацию. Но Андрей всегда упрямо отрицал не только свою причастность, но даже само существование этой организации, выкручивался как мог. А если получалось, то даже совершал побег. Правда, потом оказывалось, что все произошедшее с ним – это всего лишь инсценировка и Дугин просто проверяет его. Поэтому Ларин был готов к тому, что и сегодняшнее путешествие – одна из таких проверок. Но странное дело: за все время дороги от Москвы до Никитиной Гривы ничего подозрительного не случилось. Андрею не удалось обнаружить слежку. Никто ни разу не проверил у него документы, даже подозрительных личностей в вагоне не нашлось.

Теперь ему предстояло дожидаться, пока дизель увезет со станции немногочисленный народ, и только после этого сесть в автомобиль, который уже белел на стоянке возле киоска, торгующего всякой мелочью: от жевательных резинок и презервативов до трехлитровых «баллонов» с пивом.

За лесом послышался неясный гул, и вскоре мимо станции уже пролетал со страшным грохотом длиннющий товарняк. Мелькали тяжелые цистерны, груженные лесом вагоны. Асфальт платформы буквально вибрировал под ногами. Малочисленные пассажиры инстинктивно с опаской поглядывали на грохочущий поезд и отступали подальше под бетонный навес. Ларин же четко помнил то, чему учили его опытные инструкторы: опасность обычно подкрадывается не с той стороны, откуда ее ждешь. Да, товарняк грозно грохочет, сотрясает землю. Но вероятность того, что вагоны сойдут с рельсов и тяжеленные влажные бревна полетят на платформу, ничтожно мала. Да и под навесом от них не укроешься. А вот то, что древний железобетонный козырек обрушится от вибрации, – это куда как реальней. Ларин отметил это чисто машинально, как всякий профессионал. Задрав голову, он глянул на козырек. Но тот стоял достаточно прочно, даже камешки из него не выкрашивались.

«Если Дугин хотел бы проверить, хорошо ли я помню этот урок, и один из пассажиров – контролер, который должен зафиксировать, остался ли стоять под козырьком или вышел из-под него...» – подумал Андрей и тут же отмел эту мысль. Не стоило для этого затевать путешествие

из Москвы на Ладогу. Подобные испытания можно провести и в Подмоскowie. «Скорее всего, проверка связана с моими навыками вождения. Вот почему здесь и стоит автомобиль, за руль которого мне предстоит сесть».

Вслед за товарняком показался неторопливый дизель, который забрал пассажиров. Ларин остался на платформе в гордом одиночестве.

Молодая женщина вышла из киоска и принялась навешивать на стекла стальные щиты, закрывая торговую точку. Это тоже могло быть частью испытания, незамысловатой подставой. Сейчас подойдет к Андрею и попросит ее подвезти. А ведь по инструкции Ларину запрещалось брать попутчиков. Поэтому он и не стал спешить. Женщина осмотрела ларек – надежно ли закрыла его на ночь – и, позвякивая ключами, направилась к ближайшему дому, где, скорее всего, и жила.

«И тут я не угадал. Неужели сейчас появится полицейская машина и мне предложат проехать в участок?»

Андрей направился к автомобилю, открыл дверцу, сел за руль и включил автонавигатор. Вскоре появилась надпись: «Связь со спутником установлена», и на экране возникла карта местности. Маршрут уже был проложен. Ларин запустил двигатель. Бак был полон. Лишь только машина тронулась, электронный женский голос автонавигатора услужливо подсказал, куда сейчас предстоит свернуть. Через минуту тряски на разбитой дороге Андрей оказался на шоссе, ведущем в сторону Ладоги. Стемнело настолько, что Ларин включил фары.

Шоссе летело под колеса машины, но скорости Андрей не превышал. Раз стоит знак «70», значит, следует так и ехать. Нарушать ПДД без надобности он не любил.

Вскоре сзади нарисовался потрепанный трехосный грузовик, нагло светивший дальним светом. Не прошло и полминуты, как он нахально пристроился почти вплотную за легковой машиной, за рулем которой сидел Ларин, и посигналил.

«Кажется, началось. Нервы испытывает».

Андрей понимал, что его провоцируют или увеличить скорость, или же пропустить грузовик вперед. Но вполне могло оказаться, что из-за слепящего света фар идущей сзади машины он не разглядит новую опасность. Вынырнет какой-нибудь лихач или же машина ГИБДД, а потому Ларин даже на йоту не увеличил скорость – мол, медленно для тебя еду, тогда обгоняй.

Километров через десять грузовик свернул с шоссе. Никакой подставы так и не произошло. Андрей только пожал плечами.

«Слишком гладко все идет. Это в стиле Дугина. Рассчитывает, что я расслаблюсь, успокоюсь, а вот тогда уж и случится внезапное и абсолютно непредвиденное».

Проложенный на экране автонавигатора маршрут подошел к концу. И тут, чего абсолютно не могло быть заложено в программе электронного устройства, оно вновь отозвалось соблазнительным женским голосом, немного напоминавшим интонации сотрудниц службы «секс по телефону»:

– Ваше путешествие подошло к концу. Сверните налево и оставьте машину на стоянке.

Ларин повиновался – заехал на асфальтированную площадку, где замерли три фуры дальнoбойщиков. Водители сидели в кабине одной из машин и играли в карты.

«Не удивлюсь, если сейчас у меня с дальнoбойщиками возникнет конфликт. Может, Дугин хочет проверить мои навыки рукопашного боя? Могу ли я противостоять трем монтировкам сразу?»

И такое могло случиться. Павел Игнатьевич славился изобретательностью. Но дальнoбойщики лишь покосились на легковую машину и спокойно продолжили шлепать картами. Автонавигатор вновь напомнил о себе:

– Откройте ящичек, – после чего голос смолк.

Андрей открыл перчаточный ящик. В нем лежал небольшой букетик полевых цветов, абсолютно свежих, сорванных, самое большее, около получаса тому назад, а под ним – незапе-

чатанный белый конверт. Стало понятно, что электронное устройство больше не понадобится. Ларин выключил его, вытащил из конверта компьютерную распечатку, улыбнулся. Дугин был непредсказуем. Иногда, как сегодня, он сочетал и самые современные методы с использованием электроники, вплоть до снимков, сделанных из космоса, и проверенные десятилетиями «дедовские» методы.

В конверте оказалась письменная инструкция, детально расписывающая, что предстоит совершить Андрею: пройти пешком по проселку, завернуть на кладбище, положить тот самый заботливо припасенный в перчаточном ящике букетик полевых цветов на могилу неизвестного солдата времен Великой Отечественной, а затем проследовать, опять же пешком, в прибрежный поселок, отыскать кафе «Ариадна» и зайти внутрь. Указывалось и точное время, когда это все следует сделать.

Приказы начальства следует не обдумывать, а выполнять. Все-таки Ларин был на службе, хоть и неофициальной, а потому подчинился. Закрыв машину, он зашагал по проселку в гущающейся темноте.

Дождь уже не моросил. По небу плыли низкие тяжелые облака, которые ветер гнал с Ладogi. В редких разрывах вспыхивали звезды. Спортивная сумка болталась на боку. С одной стороны простиралось поле, с другой – лес с непроницаемо черными провалами между стволами старых елей.

Андрей чувствовал себя не очень уютно. В любой момент могла начаться «проверка». Ночной лес – пристанище опасностей. То ли пьяные браконьеры с ружьями, то ли полиция, то ли еще какая-нибудь дрянь. Фантазия у Дугина на этот счет была неистощимой, он редко повторялся.

Наконец лес остался позади. Впереди уже подмигивали Ларину огоньки поселка, носящего то же название, что и железнодорожная станция, – Никитина Грива. По правую руку началась ограда старого кладбища, сплошь поросшего вековыми деревьями. Согласно инструкции из конверта именно туда должен был войти Андрей с букетом полевых цветов.

«Подобное – ночная вылазка на кладбище – последний раз случилось со мной, кажется, в пионерском лагере, – усмехнулся Ларин. – Нет, я, конечно, не подозреваю Павла Игнатьевича в том, что он хочет проверить, не побоюсь ли я пробираться ночью среди могил, боюсь ли я мертвецов и призраков. Скорее всего, сейчас и начнется. Кладбище тоже может быть полигоном для тренировок. Догонять или убегать, в зависимости от обстоятельств, лавируя среди покосившихся крестов и ржавых пик могильных оград, – это тоже искусство, которому я, кстати говоря, никогда прежде не учился. Что ж, надо быть готовым и к этому», – примерно так рассуждал Андрей, минуя полуразрушенные кирпичные ворота старого кладбища.

Под ногами чавкали влагой опавшие листья, похрустывали камешки посыпанной гравием аллеики. Перспективу замыкал мрачный силуэт часовни. Временами Ларину казалось, что из-за памятников и ржавых крестов за ним кто-то наблюдает. То веточка треснет, то листва зашуршит. Но это вполне могли быть и звуки природы. Еще раз зашуршало.

Андрей остановился, замер. Из-за вековой липы на него блеснули два фосфоресцирующих глаза.

«Кот», – прищурившись, рассмотрел Ларин и продолжил путь к часовне.

Безымянная солдатская могила согласно инструкции находилась неподалеку от часовни. Осклизлые от недавнего дождя каменные ступеньки, массивная, сбита из брусьев дверь, сложенный насухо из валунов фундамент, бревенчатые стены и островерхий шатер, увенчанный крестом.

Андрей стоял под часовней, осматриваясь. За деревьями и невысокой каменной кладбищенской оградой он заметил поблескивающую в ночи крышу микроавтобуса. Просто отметил в памяти этот факт, а затем скользнул взглядом по прилегающим к часовне могилам.

«А вот и она», – Ларин сделал с десяток шагов и, нагнувшись, положил к оштукатуренному обелиску с пятиконечной звездочкой наверху букет полевых цветов.

И это нехитрое действие заставило Андрея задуматься. Уж не тонкий ли это намек, что и он, Ларин, один из бойцов, чье имя почти никому не известно, и что есть незримая связь между ним и неизвестным солдатом, лежащим в могиле, защищавшим свою страну с оружием в руках. Мысль была немного сентиментальной для решительного Андрея, но в чем-то и справедливой.

И тут Ларин краем глаза отметил, как невдалеке, метрах в двадцати от него, возникло и ширится какое-то мертвенное сияние. Он медленно обернулся и замер. Здесь, на старом кладбище, среди памятников и оград высился свежий могильный холмик с некрашеным, белевшим в ночи крестом и парой скромных венков. Именно над этим холмиком буквально из ниоткуда и материализовалось зеленоватым столбом свечение. Это было настолько неожиданно и отдавало такой махровой мистикой, что Андрей даже не мог пошевелиться. Ведь свету тут просто неоткуда было бы взяться: ни фонарей, ни прожекторов. Фосфоресцирующий столб неторопливо приобретал очертания человека.

Вскоре Ларин уже мог рассмотреть мужчину, стоявшего к нему спиной. Видение было немного размытым, переливалось. Но это точно был человек. И, как казалось Андрею, он уже видел его раньше. Призрак качнулся, словно под порывом ветра, и медленно поплыл над могилами. Ларин не верил своим глазам. Ничего подобного ему раньше видеть не приходилось. Если он и думал о таких вещах, то только в детстве, в том же пионерском лагере, когда дети рассказывали друг другу страшные истории.

Изображение было фотографически точным и объемным, если не считать размытостей, словно объектив находился в расфокусе. При этом призрак Андрея был полупрозрачным. Ларин видел сквозь него переливающиеся огоньки поселка Никитина Грива.

– Глюк, – тихо вымолвил Андрей, но при этом почувствовал, как в груди холодеет.

А ведь он не верил ни в полтергейст, ни в призраков, ни в летающие тарелки, ни в зеленых человечков. Ларин даже на мгновение прикрыл глаза, но долго не выдержал, ему казалось – свечение проникает сквозь опущенные веки. Когда же глянул снова, то призрак проплывал уже далековато, почти у самой ограды. В последний момент он обернулся. Андрей встретился с самим собой взглядом. Призрак еще раз вспыхнул фосфорным мертвенным сиянием и преспокойно вошел – исчез в каменной ограде. Ларин стоял, забыв о том, зачем оказался на кладбище в неурочное время, забыл и о положенном им букетике полевых цветов. В висках глухо пульсировала кровь, а на душе царил полная растерянность.

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда, – тупо проговорил Андрей.

Мозг пытался найти хоть какое-то рациональное объяснение увиденному.

– Переутомился, – проговорил Ларин, – я просто переутомился, – но тут же оборвал себя: – Но ведь ты неделю отдыхал. А восстанавливаешься обычно за день-два. Ерунда какая-то. Подумаешь, обычная галлюцинация.

Почему-то больше всего угнетало то, что он не сразу признал в призраке себя. Взгляд Андрея прошелся по крестам, памятникам и прикипел к топорщившемуся из примятой травы свежему холмику, из которого и возник призрак.

Ларин сделал шаг, второй, чувствуя, как подрагивают руки.

– Нервы ни к черту.

Он подошел к могиле. Беловатый струганный березовый крест прикрывало два скромных венка. Что написано на лентах, было не прочитать. Серебряная краска надписей переливалась и таинственно поблескивала.

Андрей положил ладонь на мокрый песок, словно хотел убедиться, что и могила ему не чужится, что она реальна. Он разминал комочки, те рассыпались мелкими песчинками, прилипали к влажной ладони. Ларин приложил пальцы к щеке и наконец сделал то, что следовало сделать с самого начала – положил венки на холмик.

На кресте виднелась небольшая табличка. Черные буквы, выведенные тонкой кисточкой на белом фоне, прочитались легко: «ЛАРИН АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ». А ниже стояли две даты. Первая – день рождения Андрея. День, месяц и год были указаны абсолютно верно. Ларин не сразу сумел заставить себя прочитать вторую дату. Дрожь и холод прошли у него по спине, когда он понял, что это завтрашний день. И тут же вспомнилась народная примета, о которой он слышал еще в детстве: если по спине проходит внезапный холод и дрожь, значит, человек ступил на свою будущую могилу.

Меж венков матово блеснула черная рамка. Андрей перевернул ее. Рамка была пуста. Под треснувшим стеклом виднелся чистый белый лист глянцевой бумаги.

«Бред, полный бред. Или кто-нибудь подсыпал мне галлюциногенов». – Но Ларин тут же вспомнил, что уже больше двух часов ничего не ел и не пил, а потому действие тайно подсыпанных ему препаратов и не могло бы проявиться только сейчас.

Галлюцинации возникли бы раньше. Если бы кто-нибудь еще полчаса тому назад просто намекнул Андрею о тех странных чувствах, которые придется ему испытать на ночном кладбище, он бы просто покрутил пальцем у виска. А вот теперь признался самому себе, что он не чужд мистических настроений и приходится поверить в существование призраков.

– Чуть, – абсолютно не убежденно проговорил Ларин, выпрямляясь и отряхивая ладони, – полная чуть. Померещилось, – и он, даже не глянув на свежую могилу, направился к выходу с кладбища.

Где-то высоко над головой, возможно, с чердака часовни, гулко заухал филин:

– Угу-угу...

А затем послышался тихий невнятный голос, который шел отовсюду и одновременно из ниоткуда:

– Андрей... Андрей...

И вновь предательский холодок пробежал по спине.

Ларин был не трусливого десятка, но он знал лишь, как противостоять реальному противнику из плоти и крови. А тут и угрозы-то толком не было – лишь намеки да мистика. Андрей миновал кладбищенские ворота и по народной привычке трижды плюнул через левое плечо, произнеся при этом:

– Хлеб вырастет на повороте, – после чего решительно зашагал к близким огням прибрежного поселка.

Он смотрел себе под ноги на то, как подошвы глубоко впечатываются в мелкий песок. Ему казалось, что странные видения, махровая мистика остались за кладбищенскими воротами. Андрей снова видел мир реальным, пусть и немного угрожающим из-за темноты. Но все это могли быть реальные угрозы, сопутствующие его образу жизни.

Дорога ложилась под ноги идущему. И тут Ларин заметил, как постепенно на песке, расчерченном автомобильными протекторами и человеческими следами, медленно проявляется его ритмично раскачивающаяся тень, хотя до этого ее не было. Неудивительно – темнота.

– Просто луна показалась меж облаков, – сам себе сказал Андрей, – это просто луна.

Но самого себя не обманешь. Ларин понимал, что это другой свет – не обычного ночного светила. Он был неровным, подрагивающим. Андрей не выдержал и обернулся, глянул на небо. Низкая дождевая туча наливалась изнутри светом. Внутри нее среди протуберанцев проявлялась какая-то картинка: неясная, колышущаяся и размытая.

– Что за дрянь? Только этого не хватало, – Ларину показалось, что он сходит с ума.

В глубине облака он различил того самого призрака – с кладбища. Видел он себя со спины недолго, пару секунд. Свечение стало угасать, и вскоре оно исчезло. Вновь над головой простирались обычные низкие облака, идущие со стороны озера.

Андрей еле удержался, чтобы не перекреститься.

«А ведь дата на кресте стояла завтрашняя, – само собой всплыло из подсознания, и забыть об этом Ларин уже не мог. – К черту. Все к черту. Прямо аномальная зона какая-то. Или патогенная... Все-таки есть вещи, в которых я ни хрена не смыслю. Без докторов Фрейда и Юнга не разобраться».

И он вновь решительно зашагал к поселку.

Никитина Грива, в которой Андрею никогда прежде не доводилось бывать, выглядела довольно странно, хотя, в общем-то, поселок в былые годы был, наверное, достаточно милым. Но теперь через него почему-то проходил высокий бетонный забор со спиралью колючки поверху. Он по живому перерезал улицы и закрывал побережье озера. По ту сторону забора царил темнота, в которой угадывались лишь крыши и стропила оставленных по какой-то причине жителями деревянных домов. По ту же сторону, где находился Ларин, жизнь продолжалась.

Редкие фонари освещали улицу с разбитым асфальтом, выщербленные бордюры и расколотую плитку тротуаров. Но при этом поселковый комфорт был вполне сносным. Ни одна из многочисленных луж по глубине не превышала толстую рифленую подошву походных ботинок Андрея. За окнами одноэтажных домов разными цветами полыхали экраны телевизоров. Шумели листвою сады и старые деревья насаждений вдоль улицы. Изредка проезжали машины, пронеслась стайка подростков-велосипедистов. Мальчишки с интересом посматривали на Ларина, явно признав в нем чужака, почему-то решившего в такое время добраться до поселка пешком.

Узкая извилистая улочка вывела Андрея к центральной площади, часть которой тоже нахально оттяпал таинственный бетонный забор с колючкой поверху. В свете фонарей белели недавно покрашенные колонны местного клуба, возведенного еще в пятидесятые годы по типовому проекту. На фасаде виднелись вывески, извещавшие о находящихся внутри фирмах и увеселительных заведениях. Особенно умилила Ларина вывеска, исполненная в стиле модерн с надписью «БАРЪ». Именно через «ять» – так, словно бы в дореволюционной России существовали те самые бары, а не кабаки с трактирами. По площади, лениво пофыркивая моторами своих мотоциклов, неторопливо разъезжали двое байкеров. На одном из них был шлем с опущенным забралом, у второго на голове красовалась немецкая каска времен Второй мировой войны.

На часы Андрей не смотрел – чувство времени его никогда не обманывало. Прибыл он в поселок вовремя, несмотря на «приключения». До встречи с Дугиным оставалось минут десять. А кафе «Ариадна» Ларин наблюдал прямо перед собой. Это была старая советских времен стекляшка, к которой примыкал временный пластиковый шатер. Тут, скорее всего, и находилось средоточие вечерней светской жизни Никитиной Гривы. Пяток машин, штук семь велосипедов застыли перед заведением. Неподалеку от входа вела пьяный разговор компания молодых мужчин, среди которых выделялся небритый парень в тельняшке, судя по повадкам – бывший десантник, не желавший на гражданке расставаться со своим героическим армейским образом.

– ...гадом буду, так и было. На хрен отсюда сваливать надо, – размахивая рукой, пытался убедить он собутыльников.

– А сколько ты до этого на грудь принял? – хитро прищурившись, поинтересовался корытша в кепке.

– Немало принял. А как увидел, то сразу протрезвел. Глазищи – во, – и десантник приложил кулаки к глазницам, чтобы продемонстрировать виденное.

– Ну да, и клыки желтые. И слюна до самой земли тянется. Слышали мы уже твои байки.

– Не хочешь, не верь, – сплюнул под ноги десантник. – А я как увидел, то сразу и протрезвел. Так что не померещилось мне. Мне бабка рассказывала, такое же перед войной было. Битву они всем поселком на небе видели. Ночь, облака, а на них словно кино показывают.

Витязи с рыцарями бьются. Тогда нескольких из нашего поселка НКВД и загреб за панические настроения, потому об этом нигде и не писали. А люди что? Люди боялись. В Сибирь сошлют, и не вернешься. А бабка сама видела. Не веришь?..

Ларину не пришлось дослушать рассказ бывшего десантника, который в некоторой своей части повторял виденное им совсем недавно – ночь, низкие облака и свечение, словно кино показывали. Андрей уже входил на крыльцо кафе, когда десантник его окликнул:

– Дядя, закурить не найдется?

– Не курю, – абсолютно миролюбиво ответил Ларин.

– Тогда, может, помочь сможешь? Выручи немного, если несложно, – и десантник сделал жест пальцами, словно мял невидимую купюру.

Обычно Андрей не занимался подобной благотворительностью. Произойди это в Москве, он бы привычно бросил: «Работать надо», – и не стал бы разговаривать. Но ведь вполне могло оказаться, что Дугин вызвал его на Ладогу не для проверки, а чтобы поручить новое задание. И ссориться с местным контингентом было бы опрометчиво. Ведь подобные типы, как этот десантник, целыми днями торчащие под гастрономами и питейными заведениями, забирающиеся выпить в самые забытые уголки населенного пункта, могут стать прекрасными информаторами.

– На выпивку, что ли, не хватает? – прищурился Андрей.

– Не стану врать, что на хлеб или автобусный билетик. Именно на выпивку. Помогите, дядя, если можете.

Ларин вытащил портмоне и протянул десантнику пятьдесят рублей.

– Понимаю, случается иногда.

Десантник крикнул, принимая деньги, – зафиксировал взглядом, что кошелек у Андрея набит довольно туго.

– Спасибо, конечно, но, может, еще подкинешь? У тебя же много.

– Не подкину, – Андрей опустил кошелек во внутренний карман.

– Жалко, что ли?

– Да, жалко, – и Ларин шагнул внутрь кафе.

Заведение делилось на две части. Правая располагалась в шатре. Тут были только стойки, за которыми виднелись преимущественно мужские компании. Пиво, водку и незамысловатую закуску посетители сами приносили от стойки. Дымили сигареты, и дым выносило ветром. Пологи палатки были подняты. Левая же часть располагалась в стекляшке. Тут уже имелись столики. Суетились две официантки, разносившие заказы. А под пивные кружки уже полагались картонные кружочки с эмблемой кафе.

Андрей прищурился и не сразу распознал в мужчине, сидевшем за угловым столиком, Павла Игнатьевича. Если бы не знал, что он должен здесь находиться, – не заметил бы. Дугин был одет в светлые джинсы, заправленные в туристические ботинки. На плечах выцветшая, но очень стильная и видно, что дорогая куртка защитного цвета с множеством кармашков. На голове бейсболка, повернутая козырьком назад. Павел Игнатьевич с удовольствием попивал пиво из высокого стеклянного бокала.

– Разрешите за ваш столик?

Ларин присел напротив Дугина. Тот усмехнулся.

– Ты, как всегда, пунктуален. Ничто не может заставить тебя опоздать. Я даже заказ тебе предварительно сделал, – покосился Павел Игнатьевич на официантку, которая поставила перед Андреем стакан сока, графинчик с двумястами граммами водки, рюмку и чашку с кофе. – Сок твой любимый – морковный.

– Вы усвоили, что я не «пивной» человек. А вот выпить немного хорошей водки, запивая ее морковным соком, не откажусь.

– Бетонный забор видел? – поинтересовался Дугин.

– Его тут нельзя не заметить. Настоящая Великая Китайская стена. Ее, наверное, из космоса видно.

– Насчет космоса не знаю, – Павел Игнатьевич прищурился, глядя на Андрея. – Послушай, ты себя нормально чувствуешь?

– А что такое? – насторожился Ларин.

– Ну, не знаю. Бледный вроде какой-то. Может, заболел или случилось что?

– Нет, я в порядке, на полном ходу. Это вам кажется.

– Так, значит, ничего не случилось. Это хорошо, – как-то странно проговорил Дугин, но тут же вновь стал прежним. – Вернемся к бетонному забору. Это, в самом деле, странное сооружение, и не менее загадочное, чем Великая Китайская стена.

– Но не такое древнее, – криво усмехнулся Андрей.

– Появился он здесь в начале прошлого года. Охватывает такую территорию, что за ним впору космодром размещать. Пятнадцать километров побережья, пять деревень пошли под отселение, несколько дачных кооперативов, старых, еще пятидесятых годов, четыре дома отдыха и, как видишь, половина поселка – и все это за государственные деньги. К тому же охраняют эту территорию серьезно.

– Видел спираль колючки поверху.

– Колючка – ерунда. Охрану ведет серьезная охранная фирма. Въезд и вход только по пропускам. Даже судам запрещено подходить к берегу ближе, чем на пять километров, – Павел Игнатьевич понизил голос. – Кому-то очень не хочется, чтобы стало известно, что именно происходит за этим забором.

– И все же, Павел Игнатьевич, наверняка существует официальная версия.

– Официальная существует. Согласно ей идет реконструкция дома-интерната для детей-инвалидов. Только как посмотришь на то количество строительной техники, которая въезжает и выезжает за ворота, понимаешь, что это никакая не реконструкция, а масштабное строительство. И материалы завозятся самые дорогие, сплошь импортные.

Ларин задумался.

– Проверить-то несложно. С вашими возможностями можно раздобыть документацию, проект...

– Я пробовал. Но все засекречено, словно военный объект строят. Архитектурная фирма не российская, а швейцарская. Они для всяких арабских шейхов дворцы проектируют.

– Тогда можно пролететь над территорией. Питер недалеко. Можно арендовать для прогулок один из спортивных самолетов. Это же не проблема.

– Как оказывается, проблема, – зло сказал Дугин. – Даже полеты над этой территорией запрещены. Да ты пей, пей, а не только слушай. А-то выглядишь как-то неважно.

– Итак, с воздуха не получится, – почесал висок Андрей.

Дугин подался вперед, отхлебнул немного пива.

– Редко я себе такое удовольствие позволяю... – Он провел пальцами по запотевшему цилиндру бокала. – История у этого дома для сирот-инвалидов очень темная. Построен еще при Хрущеве. В середине девяностых кто-то из питерских чиновников его приватизировал, а детей переселили в аналогичное учреждение, расположенное в Смоленской области.

– Обычная история. Здесь курортные места, Евросоюз близко. Так кто конкретно из питерских его приватизировал? На кого он был оформлен?

– Оформлен на подставного, ясное дело. А вот дальше произошло самое странное. Дом был отремонтирован, но им практически никто не пользовался. И уже в две тысячи пятом этот самый подставной, якобы владелец, снова передает дом детям.

– Так благородное ж дело.

– Дом передается на баланс областного управления социального обеспечения. Но, заметь, во временное пользование, – и Павел Игнатьевич поднял указательный палец. – То есть здание и его территорию владелец сможет вернуть себе в любой момент.

– Что ж, суть аферы понятна. Сейчас идет масштабная реконструкция за государственное бабло, а потом дети-инвалиды выбрасываются на улицу...

– Короче, Андрей, надо разузнать, что творится за этим забором, что именно там возводят и для кого. Людей я тебе дам. Кое-какие наметки у меня уже есть. Ты не стесняйся, говори. Если что-то не так, можешь приступить позже. Отдохни недельку, дней десять. Неужели тебя так дорога утомила?

– Это вам кажется. Я в полном порядке, – Ларин пригубил рюмку с водкой и запил морковным соком. – Неужели через местные власти ничего нельзя узнать?

– Как воды в рот набрали. Чувствую, что их сильно запугали. Вообще люди здесь запуганы. Думаешь, кому-нибудь хотелось из здешнего рая уезжать? Заставили. Тут вообще странные вещи творятся, полная чертовщина... – Дугин не договорил, повернул голову.

В более демократической части кафе со стойками то ли назревал какой-то конфликт, то ли просто шел разговор на повышенных тонах. Заинтересовался и Андрей.

Напротив стойки виднелся пьяный десантник. Он наверняка еще принял на грудь. Его приятели стояли в стороне. А молоденький сержант-полицейский уговаривал десантника идти домой.

– Витька, хватит тебе пить. Опять нарвешься, – пытался достучаться до его разума правоохранитель.

– Пошел ты со своими советами! Мне стресс снять надо, а то после всего мне теперь каждую ночь какая-то дрянь снится.

– Пошли. Я тебя провожу, – сержант на удивление был сердоболен, и, скорее всего, с десантником его связывало что-то большее, чем долг службы.

– А мне по хрену, что ты погоны носишь и что мы с тобой пять лет за одной партой сидели, – прояснил ситуацию десантник. – Ненавижу вас, ментов. Вот напьюсь на День десантника, в фонтане искупаюсь – и пойду по поселку. Утром проснусь, кулаки сбитые, а в каждой руке по ментовскому погону, – парень в несвежей тельняшке засмеялся. – Правоохранитель нашелся... Я хоть и пьяный был, а куда сразу побежал? К вам, ментам. Говорю, непорядок там, человека в клочья порвали. А вы мне что?

– Так это ж не я тебе сказал.

– Один хер. Все вы одним миром мазаны. Твой старлей мое заявление порвал – мол, почудилось мне спяну, и не было такого человека вовсе, никто его не знает. А он хоть бомж, но человек. А его на кусочки живьем...

Дугин и Ларин слушали бессвязный рассказ десантника.

– Я же говорил – странные вещи тут творятся, – тихо произнес Павел Игнатьевич.

– ...Как это не было? Как это померещилось? – надрывался десантник, становясь все более агрессивным. – У них глазища – во, огнем горят, и дым из пасти. Я даже протрезвел. И меня, суки, подрать хотели... Может, и этого не было? – десантник в порыве чувств приспустил спортивные штаны и ткнул пальцем в плохо зажившую рваную рану на бедре. – Зубами, сука, клочок мяса выдрать хотел, а ты мне – не пей больше, козленочком станешь. Да сам ты козел...

Сержант потерял терпение. Он и так уже слишком долго нянчился с пьяницей. Полицейский ловко заломил десантнику руку и потащил к выходу.

– Да я таких, как ты... – донеслось уже с улицы, после чего послышались несколько несильных ударов и отборный мат.

Посетители кафе с интересом ждали продолжения. Но десантник не вернулся. Скорее всего, верх одержал сержант, о чем вскоре засвидетельствовал звук отъезжающей машины.

– Душиновато здесь, – потянул воротник клетчатой рубашки Дугин. – Пройтись не желаешь?

– Можно.

Павел Игнатьевич положил на стол купюру, прижал недопитым бокалом пива.

Байкеры все еще лениво разъезжали по площади; светили фонари, вот только народу поубавилось.

Дугин шел, заложив руки за спину. Вскоре они с Лариным оказались на той самой улочке со старыми деревьями.

– А куда мы идем, Павел Игнатьевич? – немного тревожно спросил Андрей, хотя обычно не уточнял подобных вещей – раз Дугин куда-то шел, значит, знал куда.

– Проверить, выполнил ли ты мое задание.

– Какое? – насторожился Ларин.

– Букетик цветов к могиле безымянного солдата, – буднично проговорил руководитель тайной организации по борьбе с коррупцией.

– Конечно же, положил. Вы что, мне на слово поверить не можете?

– Ты же знаешь мою пунктуальность, Андрей. Так что идем на кладбище. Не лучшее место для ночных прогулок, но все же. Я должен лично убедиться.

– А смысл-то какой?

– При желании смысл во всем найти можно, – и Павел Игнатьевич дальше зашагал молча.

Ларину ничего не оставалось, как последовать за ним.

Чем ближе подходили к кладбищу, тем неуютнее чувствовал себя Андрей. По большому счету, ему хотелось рассказать о своих видениях. В конце концов, они могли свидетельствовать о расстройстве психики, и Дугин был просто обязан знать об этом. Но все же Ларин не решился. По пути к кладбищу он несколько раз тревожно посматривал на низкие лохматые облака, в разрывах которых изредка блестели звезды.

Павел Игнатьевич шел уверенно, дорогу знал.

– Ну, что, вспомнил, как в детстве ребята один другого пугали всякими кладбищенскими историями? – ухмыльнулся он, минуя кирпичные ворота.

В перспективе кладбищенской аллеи темнела часовня. В вышине тревожно шумели листвою старые деревья. Павел Игнатьевич включил карманный фонарик, его луч хаотично плясал по надгробиям.

– Ну, вот и пришли. Все в порядке, – Дугин осветил букетик полевых цветов на могиле безымянного солдата.

Андрей буквально впал в ступор. Он смотрел в сторону, на тот самый топорщившийся над травой свежий бугорок с крестом.

– Разрешите? – Ларин протянул руку, Дугин вложил в нее фонарик.

– Что-то не так?

– Я сейчас.

Андрей миновал несколько могил и, оказавшись у свежего холмика, вновь почувствовал холодок и дрожь. Луч фонаря четко высветил табличку на кресте. Ларин не мог понять, что он испытывает: облегчение или же испуг. На табличке чернела надпись: «Калугин Иван Петрович». Даты рождения и смерти Андрей не успел прочитать. Рядом с ним уже стоял Павел Игнатьевич и укоризненно качал головой.

– За все годы ты, Андрей, первый раз не прошел мою проверку. Ведь положить букетик на могилу погибшего солдата – это хоть и благородное дело, но лишь повод для того, чтобы ты оказался ночью на кладбище. Ты должен был доложить мне о призраке и о собственной могиле, а ты этого не сделал, – взгляд Дугина сделался жестким.

– Я посчитал...

– Ты должен был мне доложить. А так я убедился, что ты хоть немного, но веришь в мистику, допускаешь существование призраков, полтергейста и прочей чуши.

– Странная у вас проверка. Не думал, что вы решитесь испытать меня с такой стороны.

– Агент нашей организации должен быть неуязвим со всех сторон, – Павел Игнатьевич уже по-кавалерийски рубил воздух рукой. – Здесь, в Никитиной Гриве, происходят очень странные вещи. Я рассчитывал на тебя, на твой здравый смысл. Считал, что ты сумеешь разобратся во всем. Но если и ты, как местные простачки и досужие журналисты, поверишь в мистику, грош тебе цена в базарный день.

– Так это вы подстроили... С могилой еще понятно. Но вот призрак... Как? – проговорил Андрей.

– Компьютерная голографическая проекция. 3D-технологии.

– Теперь я понял, что за микроавтобус стоял у кладбищенской ограды.

– Хотя это ты заметил. Заметил и не сопоставил. А это непростительно. Ладно, Андрей. Честно говоря, я и сам не знаю, как поступил бы на твоем месте. Так что впредь будь внимательней и ничего не принимай на веру. Вера, она слепа и уместна разве что в церкви. Завтра же познакомлю тебя с теми, с кем тебе придется вместе работать. Люди надежные, сто раз проверенные в деле.

– А вот так вот вы их проверяли? – Ларин кивнул на могилы.

– Не успел. Будет достаточно и одного тебя здравомыслящего в группе. Кто-то всегда должен подвергать информацию сомнению. И этим человеком будешь ты. А теперь возвращаемся.

Глава 2

Поселок Никитина Грива до последних событий был не очень большим. А теперь, после того, как его пересек таинственный бетонный забор со спиралью колючки поверху, так и вовсе уменьшился вдвое.

После двенадцати ночи исчезли и редкие прохожие с его улиц. Лишь заезжие байкеры неторопливо нарезали круги по его опустевшим улицам. Однако в любом месте, где есть люди, имеется и своя ночная жизнь.

Подростки – мальчишка с девчонкой лет четырнадцати – терпеливо дожидались кого-то, прячась возле старого развесистого вяза, нависшего над узкой улочкой. Одеты они были походному: в резиновые сапоги, джинсы и куртки-штормовки. За спинами – школьные рюкзаки, хотя, конечно же, на занятия они не собирались. Какие занятия, если на дворе лето, а все поступки и приключения у молодых людей соотносятся с одним-единственным словом – каникулы...

– Дашка, как ты думаешь, может, Витька и не придет? – Мальчишка щурился в темноту соседнего переулка.

– Что ты такое говоришь? – возмутилась Даша. – Витька всегда свое слово держит.

– Я не о том. Он пацан обязательный, если сказал – сделает. Но ведь родители могли не пустить. А снасти-то у него. Нам без них на озере делать нечего.

– Будто он у них спрашивать станет. Родители к родственникам в Питер поехали. Витька с бабушкой остался, а та глухая и слепая, в десять вечера спать ложится. Я-то уж знаю, – Даша говорила о своем отсутствующем друге так, будто и в мыслях не могла допустить, что тот подведет друзей.

– Я через окно вылез, – признался Денис. – Родители меня уже давно не проверяют. Я у них в полном доверии.

Девчонка блеснула глазами и прислушалась.

– Идет.

И в самом деле – из темноты переулка вынырнул их ровесник, тот самый Витька, о котором ребята только что говорили. Он тоже был одет в резиновые сапоги, джинсы, ветровку, за спиной – рюкзак, в руках держал полотняный мешок и целую связку бамбуковых удилищ.

– Привет, – протянул он руку Денису, а затем, немного смущаясь, поцеловал Дашу в щеку.

Та тут же отпрянула.

– Ты чего?

– Ну, мы же здесь все свои, – немного растерялся Витя, – у нас секретов друг от друга нет.

– А если кто-нибудь увидит и отцу расскажет? Знаешь, что мне за это будет?

– Рано или поздно узнает.

Денис присматривался к друзьям, и было понятно, что он немного им завидует.

– Снасти все взял? – Даша смотрела на удилища и мешок.

– Все, как и договаривались. Удочки, «закидухи»... А вы фонари прихватили?

Денис сбросил рюкзак, расстегнул его и достал рыбацкое приспособление.

– Настоящий рыбацкий, у отца свистнул. В нем и фонарь, и радиоприемник. Аккумулятора на пять часов хватает.

– Ладно тебе, не хвались, – улыбнулась Даша. – Через пять часов рассвет уже наступит. Нам столько и не надо. У меня-то фонарь обычный, за «три копейки» на базаре купленный, китайский, с тремя батарейками. А теперь тихо. Пошли, чтобы нас никто не видел.

Ребята гуськом – мальчишки спереди и сзади, а Даша между ними – двинулись вдоль бетонного забора, раскrojившего поселок пополам.

Жилая застройка кончилась, пошел неухоженный скверик с невысокой оградой.

– Здесь никто не увидит, – пообещал Витя, сбегал к изгороди и вытащил из высокой травы грубо сколоченную стремянку.

Вдвоем с Денисом они поставили ее к бетонному забору. Даша бамбуковым удилищем приподняла спираль колючки.

– Ну, я первый, – Витя оставил снасти внизу и стал карабкаться по лестнице, однако замер, добравшись лишь до половины, и тут же заспешил вниз.

– Ты чего?

– Машина там едет.

Ребята успели лишь бросить лестницу под бетонным забором, как за поворотом показались спящие фары автомобиля.

– Черт, разнюхали, наверное, наш лаз, вот и прилетели. Ой, что мне от отца будет! – выдохнула Даша, однако на лице сохраняла выражение спокойствия.

Мимо ребят неторопливо проехала легковая машина. В опущенное стекло боковой дверцы на них внимательно посмотрел какой-то незнакомый мужчина с мясистым лицом.

– Ну, кажется, пронесло, – с облегчением вздохнул Денис.

Но не тут-то было. Скрипнули тормоза. Автомобиль сдал задним ходом и замер напротив ребят. Из него выбрались двое: тот самый мужчина, смотревший на них через боковую дверку, и тот, кто сидел за рулем, – высокий коротко стриженный блондин средних лет, взгляд его голубых глаз был пронзительным. Никто из школьников не выдержал его. Все трое смотрели себе под ноги.

– Во-первых, здравствуйте, – произнес Ларин. – Вернее, доброй ночи, – для начала прозвучало вполне миролюбиво.

Первой подняла взгляд Даша и произнесла с легким вызовом:

– Доброй ночи. Какие-нибудь проблемы? Дорогу подсказать? Я вижу, вы не местный.

– Дорогу я и сам всегда найду, – Андрей улыбнулся строгой улыбкой, а затем добавил жестко типично милицмейскую фразу: – Нарушаем, значит.

– Чего мы нарушаем? – неуверенно проговорил Денис.

– Время позднее, и несовершеннолетним без сопровождения взрослых в общественных местах ходить не положено. А вы еще через забор перелезть собрались, проникнуть на охраняемую, режимную территорию... Так, быстро – как зовут, где живете, школа и класс, фамилия классного руководителя. – Ларин для убедительности даже достал из кармана блокнотик, раскрыл его и сделал вид, что держит над страницей ручку, хотя пальцы его были пусты.

– А кто вы такой, чтобы мы вам докладывали? Работник полиции? – поинтересовалась Даша.

– Даже если и так.

– Если вы полицейский, то согласно уставу должны были нам сначала честь отдать, представиться, а если мы попросим у вас документы, то обязаны их предъявить. Есть у вас документы? – нахально, с чувством собственной правоты шурилась девчонка.

У Андрея, хоть и был в кармане комплект документов на все случаи жизни, от оперуполномоченного ФСБ до инспектора областной санстанции, он не полез их доставать – много чести.

– Умная очень или много приводов в отделение имеется? – усмехнулся Ларин. – Можете не говорить, кто вы такие. Я и так знаю, – он поднял руку и указал на Дашу: – Живешь ты на улице Линейной. Частный сектор, дом сорок пять. А зовут тебя, – Андрей сделал короткую паузу и добавил: – Даша.

– Точно, – с легким испугом выдохнула девчонка. – Но как?..

– Короче, господа путешественники. Ваша ночная экспедиция закончена. Быстро по домам. А вас, юная дамочка, чтобы ничего не случилось, я обязан лично вернуть в руки родителей, – Ларин строго посмотрел на Дашу.

– Не надо. А то, если отец узнает...

– Ремнем отхлещет?

– Нет, он иногда так посмотреть может, что лучше уж ремнем отхлестал бы. Он у меня участковый, сегодня на дежурстве.

Андрей с Дугиным переглянулись – мол, теперь, когда ребята запуганы, можно узнать у них то, ради чего, собственно, и останавливались.

– Участковый – это серьезно, – вполне по-дружески улыбнулся Ларин. – Не стоит его от серьезной работы отвлекать. К тому же ребята вы, смотрю, самостоятельные. Не глупостями же решили заняться, а на ночную рыбалку отправляетесь. И парень твой, Даша, тебя никому в обиду не даст. Я же вижу, какими глазами он на тебя смотрит – любого за тебя порвать может. Сам я не из полиции и не из тех, кто этот дурацкий забор охраняет. Мне, как приедем, просто интересно, что за ним. Вы же туда не первый раз лезете.

Андрей неплохо знал психологию. Если бы он просто остановился и стал бы расспрашивать ребят, они вряд ли бы ему что-нибудь рассказали. А вот припугни сначала, потом прикинься добрым – разговор и склеится.

Даша, на всякий случай, еще раз уточнила:

– Так вы точно моему отцу ничего не расскажете?

– А зачем мне это надо? – Ларин пожал плечами.

– Мы раньше всегда там, за мысом, рыбачили, – девочка показала рукой куда-то за забор. – Я еще вот такой маленькой была, а отец меня с собой уже брал. А теперь у нас из-за этого забора и озера не осталось. Вот и приходится лазить.

– И не страшно? – поинтересовался Андрей.

– Боязно немного, – признался Денис. – Но, в конце концов, поймают нас охранники – так мы же несовершеннолетние, да и не красть туда залезли. В худшем случае родителей вызовут, из рук в руки передадут.

– Но пока бог миловал, – добавил Витя.

– Это понятно, – наконец-то подхватил разговор и Павел Игнатьевич. – А что там делают?

– Стройка какая-то. Мы туда близко не подходим. Страшно.

– Ты ж сам говорил, что не боишься, – прищурился Ларин.

– Всякое в поселке рассказывают. Будто и призраков там видели, и утопленников вроде бы течением со всего побережья туда сносит. И даже люди пропадали. Но это только говорят так, сам не видел.

– Ладно, мало с вас толку, ребята. На что хоть ловите? – поинтересовался Андрей.

– На «закидуху». Жерех берет, щука, судак, но больше всего окуньки.

– Успехов вам, – Ларин махнул рукой и сел в машину.

Даша колебалась, но не решалась повторить свой вопрос. Андрей подмигнул ей.

– Хочешь спросить, как я твой адрес узнал?

– Вы же даже компьютер не доставали, по базе данных не пробивали, – вырвалось у девочки.

– Проще простого. Я, когда отсюда ехал, – Ларин указал большим пальцем через плечо, – видел, как ты из дому выходила. Адрес и запомнил.

– А откуда вы знаете, что меня Дашей зовут?

– А ты сама подумай.

Девчонка задумалась, затем просияла и постучала ногтем по блестящей латинской букве «D», укрепленной на лацкане куртки.

– Ты, девонька, в таком возрасте, что тебя вряд ли Диной или Домной назвали. В твои четырнадцать годков только Дашей быть и можешь, – Андрей махнул рукой на прощание, и автомобиль отъехал.

Ребята стояли в растерянности и смотрели вслед удаляющейся машине.

– Оказывается, все так просто. Мы ему ничего лишнего не наговорили? – произнесла Даша.

– Кажется, нет, – Витя тронул ее за плечо. – Нечего тут торчать, еще кого-нибудь черт принесет. Эти охранники иногда целый день вдоль забора ездят, чего-то высматривают, – парень приставил лестницу.

Действуя по очереди – придерживая спираль, поднятую при помощи удилиц, ребята преодолели забор, а затем и втянули лестницу на другую сторону. Так что улица вскоре выглядела вполне безобидно.

Лишь только двое мальчишек и девчонка оказались на другой стороне, мир словно бы изменился. Здесь практически не чувствовалось присутствие человека. Бурьян разросся так, что лебеда и чертополох покачивали верхушками у них над головами. Вдалеке – там, где располагалась стройка, виднелись огни прожекторов. Ветер, налетавший с озера, нес с собой прохладу и запах гниющих водорослей.

– Ну, чего встали? Пошли, – поторопил всех Витя, – летняя ночь, она короткая. Ты не бойся, Даша, – он крепко сжал руку своей подруги и повел ее за собой.

– Это вы хорошо придумали, – подкалывал Денис, замыкавший короткое шествие. – Сами за ручки, а мне, значит, снасти тащи. А тут темень такая, что черт ногу сломит... Лучше уж я фонарь рыбацкий достану.

– Пока моим посветим, – Даша повернулась к Витьке спиной, вжикнула «молния», и вскоре дорогу ребятам тускло освещал китайский фонарь.

Размытый диск света плясал по еле заметной тропинке. Протоптана она была не сильно, всюду ее прикрывали примятые стебли.

– Там где-то траншея была. Вы поосторожней, – напомнил Денис. – Прошлый раз мы доску перебросили, должны перебраться.

Вскоре луч фонаря уперся в песчаный валик на краю траншеи – скользнул по зачищенной лопатами стенке.

– А доску-то кто-то унес. Кому это надо? – забеспокоился Денис. – Может, он и теперь где-то здесь рядом?

– Ты нас не пугай. Сами кого хочешь испугать можем, – проговорил Витя, почувствовав, как подрагивает ладонь Даши в его пальцах.

– Мы призраков не боимся, – подтвердила девчонка, хотя так и стреляла глазами по сторонам, прислушиваясь к малейшему шороху. – Я не призраков боюсь.

Витя перемахнул через траншею, вытянул руки.

– Даша, разбегайся и прыгай.

Девчонка разбежалась, оттолкнулась ногой от края траншеи, легко перемахнула ее и, притворно ойкнув, замерла в объятиях своего парня.

– Ну, вы там, голубки, ловите снасти, – Денис перебросил мешок, удилица и прыгнул сам.

Прыгал он неуклюже, как все толстые, – чуть не сорвался в траншею. Если бы Витя с Дашей не подхватили его, мог бы осыпаться вместе с песком.

– Худеть тебе надо, Денис, – рассмеялась Даша.

– Ничего и не надо. Как говорил Карлсон – я в меру упитанный, в полном расцвете сил.

– Ты сколько вешишь?

– При моем росте это еще в норме.

– Да не обманывай ты самого себя. Я знаю верное средство для похудения, – продолжала смеяться Даша. – Нужно несчастливо влюбиться – вот тогда и кушать, и спать не захочешь.

За месяц килограммов пять сбросишь, обещаю. Неразделенная любовь – лучшее средство для похудения. Никакая голливудская диета не сравнится.

Денису повезло, что стояла ночь, иначе бы его друзья – влюбленная парочка – тут же бы заприметили, как он покраснел, и подняли бы на смех. А так Даша только хихикала, поглядывая на то, как Денис неловко балансирует на одной ноге, высыпая из резинового сапога попавший в него песок.

И тут из-за полуразрушенных домов поселка, из-за леска долетел протяжный вой, от которого тут же отпало всякое желание шутить и смеяться.

– Что это? – Даша повернула голову. – Вроде бы из-за леса.

– Не знаю, – Витя не хотел, чтобы подруга поняла – и ему стало страшно. – Может, волк, может, и собака. Их много здесь бездомных бегают. Людей-то выселили, а живность осталась.

– Они в стаи сбиваются и тогда совсем дикими становятся. Кого увидят – могут на куски разорвать.

– Так уж и на куски, – отозвалась Даша. – Если ты, Денис, боишься последним идти, то могу свое место в середине уступить.

– Не подзуживай его, – посоветовал Витя, – нечего панику поднимать. Мало ли собак по ночам воет. В поселке ты бы и внимания не обратила.

– Мы и так в поселке, – девочка повела рукой, показывая на оставленные жителями дома.

Вновь луч фонарика заплескал по разросшимся сорнякам. Виктор шел, старательно пригибая их ногами, чтобы облегчить дорогу идущей за ним Даше.

– А помнишь, как раньше хорошо было? Ровная песчаная дорожка, а на берегу зонтики стоят, раздевалки... Я любила замки из песка строить, канал к ним от озера копала, чтобы вода шла. И мама мне помогала, она тогда еще жива была. А отец на мысу рыбу ловил.

Вскоре ребята вышли к озеру. С правой стороны чернел мыс, из-за которого поселок и носил название Никитина Грива. Слева виднелся все тот же бетонный забор, уходивший в невысокие волны. Он растянулся на мелководье чуть ли не на километр, отрезая поселок от привычных для его жителей мест.

– Ну, вот и пришли. Зря только сапоги надевали, не будет сегодня дождя, – Даша села и принялась стаскивать сапоги, закатала до колена джинсы. – Чудно-то как. Люблю ходить босиком, особенно по мокрому.

Она стояла по щиколотку в воде – запрокинув голову и счастливо улыбаясь, смотрела в затянутое облаками черное небо. Витя обнимал ее за плечи.

– Ну, вот опять, – зло проговорил Денис. – Надо было вам вдвоем на рыбалку отправляться. Не понимаю, что я тут с вами делаю? – бурчал он, разбирая снасти.

Вскоре на берегу уже горел рыбацкий фонарь. Его свет неровным пятном расплывался по мелким волнам Ладожского озера, высвечивая песчаное дно и редкие валуны, торчащие над водой. Для Дашиного китайского фонаря пришлось соорудить специальную подставку из песка, чем и занялась влюбленная парочка.

Мальчишка с девчонкой, прямо как маленькие дети, нагребали песок ладонями и, думая, что Денис не замечает, то и дело переплетали в нем свои пальцы.

– Ну, вы, строители песчаных замков, пора и делом заняться! – раздраженно крикнул им Денис.

– Да тише ты, – шикнула на него Даша. – А то эти услышат, – она отрясла ладони и кивнула в сторону далекого зарева стройки за лесом.

– Раскричался тут... Если помочь надо – так и скажи. Никто от работы не отлынивает.

И парни принялись распутывать жгуты спортивных резинок на «закидухах». Снасть была, как водится, самодельной. К резинкам через равные промежутки были привязаны поводки с крючками и грузилами. Парни сноровисто нацепляли наживку, а Даша тем временем забрасывала удочки с маленькими колокольчиками и укрепляла их на подставках-рогатках.

Витя уже раскручивал над головой «закидуху». Вот он разжал пальцы, и растянутая метров на пятьдесят резинка шлепнулась в воду. Девчонка зажгла фонари. Любопытная рыба должна была приплыть на свет. Витя занялся второй «закидухой», а Денис осторожно принялся вытаскивать уже закинутую.

Не прошло и получаса, как ребята уже набросали в пластиковое ведро больше десятка рыб. Окуньки попались не гиганты, но и не маленькие – с ладонь величиной. Была и пара мелких шук. Подростков уже охватил азарт. Они не обращали внимания на повторяющийся за лесом вой, словно и не слышали его. Даша осторожно ступала по кромке воды, переходя от одной удочки к другой. Колокольчики то и дело отзывались серебряным звоном.

– Неправильная ты какая-то девчонка, – качал головой Денис, глядя на Дашу. – Обычно они в рыбалке ни черта не смыслят, а ты другая.

Витя недовольно прислушивался к разговору друзей. И тут он различил негромкий гул, идущий из-за мыса. Темный край откоса внезапно обозначился на фоне неба. Из-за него проникал свет прожектора.

– А вот я другая. Меня отец приучил рыбачить, – кокетливо говорила Даша.

– Гаси фонари, – прошипел Витя и бросился к ближайшему от него китайскому фонарику, но запутался в положениях переключателя.

Гаснуть фонарь не хотел – стал мигать. Тогда мальчишка, не раздумывая и не тратя попусту время, спрятал мигающий фонарь под куртку, подбежал к Даше и, повалив ее на песок, замер.

– Гаси фонарь, идиот!

Наконец-то Денис сообразил, в чем дело, – подхватил свой хваленый рыбацкий фонарь с радиоприемником, погасил его и тоже затаился рядом с кучей сухих водорослей. Снасти ребята так и не успели убрать. Подрагивала резиной «закидуха», позванивали серебряным звоном колокольчики.

– Сапоги не успела убрать, – щекотно прошептал на самое ухо Даше Витя. – Торчат, как столбы посреди поля, не дай бог, заметят.

Цветастые Дашины сапоги высились у кромки прибора.

Гул двигателя проявился явственнее. Блеснул прожектор, и из-за мыса выплыла моторная лодка: большая, дюралевая, с брезентовым тентом, поблескивало лобовое стекло. Два подвесных двигателя на корме работали ровно и мощно, оставляя за плавсредством белопенный след.

– Это они, – прошептал Витя. – Мы их в прошлый раз видели, когда вместе с Деней на рыбалку ходили. Они еще весь берег в бинокль осматривали. Днем это было. Мы в кустах отсиделись вместе со снастями. А теперь, не дай бог, наши удочки или сапоги заметят.

– Не заметят. Не думай об этом, – Даша доверчиво прижалась к плечу парня, и они вместе замерли – вслушивались в частое дыхание друг друга, боялись признаться себе в том, что очень счастливы в этот момент, и даже забыли об опасности, надвигавшейся со стороны озера.

Моторка сперва шла, не меняя курса – минуя бухту. Но затем ход замедлился, и лодка свернула к побережью, пошла вдоль него. Луч прожектора скользил по прибрежным зарослям, освещал каменистый пляж.

– Сейчас заметят. Не поднимай головы, – Витя положил ладонь на волосы Даши.

– Ну, и пусть себе заметят. Мы тогда убежим. Темно, нас не догонят.

– А снасти?

– Черт с ними.

Моторка чуть ускорила ход. Она шла совсем близко от берега. Прожектор шарил неподалеку от подростков. Он то задерживался на куче водорослей, то на кусте, а затем рывком переходил дальше. Теперь уже можно было рассмотреть троих мужчин, находившихся в лодке. Один стоял за штурвалом, двое других располагались на корме.

– Смотри, что делают. Может, рыбнадзор? – прошептал Витя, глядя на то, как один из кормовых шарит в кустах длинным багром, а второй держит наготове что-то вроде небольшого якоря с тремя загнутыми концами и моток капронового шнура.

– Сети ищут, – прошептала Даша. – Тут их наш сосед ставит.

Багор вытащил край сети. Мужчины даже не стали затаскивать ее в лодку, не стали выбирать попавшуюся туда рыбу – просто порезали сеть ножом и выбросили в воду. Мужчина на корме забросил якорь в воду, и лодка неторопливо двинулась вдоль берега.

– Сейчас наши снасти зацепит, – дернулась Даша.

– Лежи, уже ничего не сделаешь.

Ребята вжались в песок. Луч прожектора скользнул по ним, вернулся и замер. Они боялись пошевелиться, боялись вздохнуть. Секунды ожидания показались им часами. Затем прожектор осветил стоявшие у кромки воды сапоги. Затарахтел мотор, волна плеснула в берег, и лодка пошла дальше.

Ребята увидели, как вздрогнули удочки, соскочили с подставок и исчезли в воде.

– Блин, может, хоть «закидуха» уцелела, – прошептал Витя, провожая удаляющуюся моторку взглядом.

Когда стало ясно, что «они» не вернуться, ребята поднялись.

– Сволочи, – с чувством проговорил Витя, оглядывая опустевшие подставки-рогатки.

– Специально же якорем по дну протащили, чтобы снасти уволочь, – Денис держал в руках остатки «закидухи».

– Пропала наша рыбалка, – подытожила Даша. – Выживут они нас отсюда. Из-за них ни покупать, ни рыбы половить. Лучшие места отгородили, людей выселили.

– Не расстраивайся. Почти целое ведерко наловили, – попытался найти хоть что-то хорошее в сегодняшнем дне Витя.

– А сколько еще поймать могли? – не унималась Даша.

Витя присел на кучу сухих водорослей, запустил руку в полотняный мешок.

– У меня еще две запасные «закидухи» есть, – признался он, – и поводки к ним с крючками.

– Это неплохо, – улыбнулась Даша. – Времени-то до утра хватит еще пару ведерц наловить.

Витя развел руками:

– Ничего не получится. Грузиков у меня нет, последние к «закидухе» прицепил. Она же совсем новая была, первый раз в деле опробовали.

– Тоже мне мужики. Ничего предусмотреть не можете, – с легким призрением произнесла Даша. – Я, как дура, рискуя свободой, из дому ночью на рыбалку с вами убежала... Ведь мой отец, если узнает, меня на неделю дома запрет. Эх, вы...

Витя поднялся, хотел обнять Дашу, но та зло сбросила его руку с плеча.

– Толку от вас никакого. Не лезь. Собираемся и возвращаемся домой. Хоть выплусь, а то завтра перед папашей придется разыгрывать, будто у меня глаза не от бессонницы красные, а пылью надуло.

Денис с видом превосходства посмотрел на Витю, ведь у него появилось и созрело вполне реальное решение проблемы.

– Снастей, конечно, жалко, но дело поправимое. Помните, как мы в прошлый четверг в лес ходили костер жечь?

– Картошку пекли, неподалеку от ворот в этом дурацком заборе. Было дело, – припомнил Витя.

А вот Даша припомнила другое:

– Мы тогда с тобой еще поругались. Ты у меня прощения на коленях просил.

– Эх, вы, – покачал головой Денис. – Голубки, ничего вокруг себя не замечаете. А тогда в ворота два большущих грузовика с во-от такими катушками кабеля заехали.

– И это было. Почему это я не помню? – даже обиделась Даша. – У меня глаз острый. Отец ведь участковый, все замечать и запоминать учит. Говорит, в жизни любая информация пригодиться может.

– Вот тогда и вспомни, какой там был кабель.

– Какой-какой... Вроде обыкновенный, толстый такой, в руку толщиной, – девчонка одернула рукав и несколько игриво продемонстрировала тонкое запястье, – серый и неприглядный, а внутри много проводков разноцветных.

– Серый, неприглядный, – передразнил ее Денис. – Баба, она даже если в рыбалке разбирается, бабой и остается.

– Ты не очень-то, – напомнил о себе Витя, – язык не распускай.

– А что я такого сказал? Мы мужики, она баба. Все правильно. Факт, а не реклама. Кабель-то в свинцовой оболочке. А грузила из чего делают, бабская твоя башка?

– Из свинца, – произнесла Даша, на этот раз не обидевшись на «бабскую башку». – Конечно, траншею выкопали? Выкопали! Значит, собираются в нее кабель укладывать. По траншее к катушкам и выйдем. Свинца наберем, на десять лет вперед хватит грузики из него делать. Голова ты, Денис, хоть и мужицкая. Можно я его в щеку поцелую за это? – кокетливо спросила девчонка у своего парня.

Вите это, конечно же, было неприятно, но и отказать в такой ситуации он не мог. Затягивая время, он достал из-под полы мигающий фонарик и протянул Даше.

– Держи. Да и вообще, чего ты спрашиваешь? Чмокни его в щеку, если хочешь, – и он демонстративно отвернулся.

Даша подразнила не только Витю, но и Дениса. Она лишь сделала вид, что поцеловала его в щеку. Девчонка даже не чмокнула, а просто приблизилась и, даже не коснувшись щеки губами, отпрянула.

– Пошли, – она первой зашагала, подсвечивая себе китайским фонариком.

Сочные стебли разросшихся сорняков хрустели у нее под ногами. Вскоре ребята оказались на краю траншеи – она практически ровной линией пересекала небольшое поле, а затем через рожицу уходила к огням стройки.

– Слушайте меня, я лучший в мире следопыт, – сказала Даша. – Где траншея, там и кабель. Где кабель, там и свинец.

Шли по отвалу из песка.

– А может, это и не траншея никакая? Кто видел, как ее копали? – произнес идущий за друзьями Денис.

– Как это не траншея? Вот и следы от лопаты – подравнивали, – отозвался Витя.

– От лопаты, – передразнил его Денис. – Это от зубов следы.

– Ты совсем спятил? – бросила через плечо Даша, но тем не менее посветила в траншею фонариком. – Натуральные следы от лопаты.

– А если это резцы, как у кроликов, только широкие-широкие? Думаете, почему это место огородили и никого не пускают? Потому что здесь завелись гигантские земляные черви, – заговорщицким шепотом вымолвил Денис. – Про них в одной передаче по телевизору показывали. В монгольской пустыне Гоби живут, норы под землей прогрызают, скот жрут, овечек, коров, коней, но больше всего любят под юрту закопаться и ночью людей сожрать.

– Брось ты, какие на Ладоге монгольские черви?

– А что? Сейчас чего только не бывает. Помните, прошлым летом мужик один приезжий на озере пиранью поймал? Даже ученые приезжали смотреть. Сказали, что кто-то из аквариумистов ради прикола в Ладогу выпустил. А у нее, у пираньи, природных врагов в наших водах нет, сама кого хочешь сожрет. Вот и вымахала с полметра длиной. Таких даже в Амазонке

не найти. Или, бывает, по приколу какому-нибудь богатей дружка по бизнесу крокодилчика маленького подарят. Сперва весело, а потом крокодилчик подрастать начинает – и цоп хозяйского ребенка за палец или котенка загрызет. Ну, его тогда в унитаз и спустят, а он через канализацию в озеро. Там и живет – ему что, хладнокровный... Зимой, как лягушка, дрыхнет.

– Ты особо не заливай, – попросила Даша, – а то я скоро купаться забоюсь.

– Я не пугаю, я предупреждаю. Вот точно так же какой-нибудь придурок мог яйца этих монгольских червей из пустыни Гоби в наши края привезти. Вылупились под землей и людей жрать стали. Всю зараженную территорию забором обгородили, бетоном на метров десять вглубь по периметру залили, чтобы они никуда больше не выбрались. Теперь ловят. Траншеей выкопали, чтобы их норы отследить, – разошелся в своих фантазиях Денис.

Если бы весь этот его бред был произнесен хоть и ночью, но дома, при свете в безопасной обстановке, то дружка просто бы покрутили пальцами у висков. Но в темноте на таинственной «зоне», о которой в поселке рассказывали черт знает что, подобные бредни порождали нехорошие ассоциации: вспоминались всякие голливудские ужастики вместе с детскими страшилками.

Витя взял Дашу за руку, сжал ее ладонь. Та не сопротивлялась.

– А знаете, мне страшно. Кажется, чувствую, как земля вибрирует и под ней кто-то ползет.

– Вибрирует, вибрирует... Сейчас выкопает под тобой нору, ты и провалишься.

– Дурак, сейчас же скажи, что ты все это придумал.

– Конечно же, придумал. Точно, ребята, придумал. Ничего такого нет. Какие в наших краях черви? Только дождевые – те, которых мы на крючки цепляем. Других и нет.

– Поумнее ничего не мог придумать?

Луч фонарика вновь заплескался по песчаному валу, но то и дело соскальзывал в траншею.

Когда ребята вышли из рощи, Даша посчитала за лучшее погасить фонарик. Сюда уже доставали прожектора стройки.

– Ничего себе, даже ночью работают, – приложил ладонь ко лбу Денис.

Вдалеке можно было различить сполохи сварки, силуэты рабочих, монтировавших строительные конструкции.

– Пусть себе работают, нам-то что? – Витя указал рукой на сложенные на земле огромные деревянные катушки с кабелем: – Лишь бы сюда не совались.

– Погодите, ребята. Я же все-таки следопыт, – прошептала Даша. – Может, сторож здесь есть? Надо проверить.

– Какой сторож? Сюда они никого не пускают, – возразил было Денис, но все же стал осматриваться. – Бытовки нет, света тоже. Можно свинец обрывать. Жаль только, кусачек не взяли, руки порезать можно.

– А это что? – Даша указала на расположенное неподалеку какое-то приземистое бетонное строение с зализанными углами. – А если там? Пошли, проверим.

Ребята подошли к сооружению. Оно оказалось странным. Железобетонный монолит с небольшими окнами-амбразурами, почти вросший в землю, возвышался над ней на метр, не больше. К крепкой стальной двери вели выкопанные в земле ступеньки.

– Не ходи туда, – предупредил Витя. – Дай лучше я первым, – он взял фонарик и стал спускаться.

Ребята оказались в подземном бункере. Свет фонаря прошелся по свежим бетонным сводам, на которых еще читались следы от досок опалубки.

– В амбразуру не свети, увидят, – Даша схватила Витю за руку и опустила фонарик к полу. – На дот похоже, какие во время войны строили. Мы с отцом ездили, там, где линия обороны проходила, много таких, – девчонка показала на черные провалы амбразур.

– Какая тебе война? Видишь, бетон совсем свежий, недавно строили.

– Не нравится мне здесь, – покрутил головой Денис. – Надо свинца надрать и сваливать отсюда.

– А вниз спуститься не хочешь? – Даша посветила фонариком в проем узкой винтовой лестницы, ведущей вниз.

Но свет выхватил лишь кусок бетонной стены и тонкие лепестки сварных металлических ступеней.

– Ну его к черту. Мне тут все не нравится, – тут же отказался от предложения Денис.

Скрипнула металлическая дверь, подростки выбрались из странного бункера, непонятно с какой целью возведенного на краю роши.

Мягкий свинец отрывался довольно легко – пластинками. Денис распихивал их по карманам, Даша собирала в пакет, куда их бросал Витя. Работа была в полном разгаре. Азарт вновь овладел ребятами – хотелось набрать побольше. И тут Даша обернулась. Почему она это сделала, и сама не смогла бы толком ответить. Просто показалось, что кто-то пристально смотрит ей в спину. Обернулась и замерла.

Наверху гигантской катушки с кабелем горело два огромных глаза. На фоне неба читался мохнатый силуэт. Очередной кусок свинцовой оболочки кабеля упал в пакет. Даша вскрикнула:

– Там!.. Там!..

Раздалось утробное рычание. Непонятное существо оскалило клыкастую пасть и прыгнуло. Денис еще не успел понять, что происходит, а оно уже прижимало его лапами к земле, тянулось зубами к шее.

Все произошло так быстро, что Дашу еще не успела охватить паника. Она просто испугалась, а потому взмахнула пакетом со свинцовыми пластинками и ударила существо в голову. Послышалось что-то похожее на протяжный вздох. Адское существо с горящими глазами отпрыгнуло и исчезло за катушкой с кабелем.

Денис вскочил, принялся лихорадочно оглядываться.

– Что? Что это было?!

– Не знаю, – тихо произнесла Даша и тут же приложила палец к губам.

Из-за ряда катушек уже светились глаза другого существа. Оно явно было помельче, но настроено куда более агрессивно. Его рычание, казалось, отдается даже в земле.

– Дай сюда, – Витя потянул на себя мешок и встал между существом и Дашей. – Ну, подойди, подойди, ублюдок. Получишь!

Существо медленно приближалось. Его огромные фосфоресцирующие глаза горели на полголовы. Светились и клыки.

– Ты с ума сошел. Бежим, – прошептала Даша. – Их здесь несколько, – и она затравленно посмотрела на пару глаз неподалеку.

Теперь уже рычали с нескольких сторон. А в Витю словно бес вселился. Он уже крутил мешком и кричал:

– Подходи, гад, убью!

Последовал прыжок. Зубы полоснули по запястью Вити и сорвались. Но все же он успел перехватить мешок и ударил существо. То отскочило и изготовилось к очередному прыжку, явно намереваясь схватить парня за горло.

Денис крикнул так, что от его крика у Вити с Дашей похолодело внутри. А затем обломок кирпича просвистел в воздухе и угодил в тварь. Та заскулила, исчезла в темноте. Но со всех сторон на ребят уже неслись горящие пары глаз, слышалось рычание.

– Бежим! – завизжала Даша, первой сообразив, где можно искать спасение.

Витя бежал за ней, прижимая к животу раненую руку.

Ребята сбежали по вырезанным в земле ступенькам, заскочили внутрь бункера.

– Получай, – гаркнул Денис, бросая один за другим два обломка кирпича в горящую пару глаз, показавшихся наверху.

Он даже не понял – попал или нет, а что было силы потянул на себя тяжелую неподатливую стальную дверь. Та взвизгнула ржавыми петлями, закрипела и нехотя закрылась. И тут же послышалось, как в сталь ударило что-то мягкое, по металлу заскребли когти.

– Боже мой, боже мой... – запричитала Даша, выпуская из рук фонарик – тот упал на бетонный пол, раскололось стеклышко, лампочка замигала.

Денису показалось, что кто-то тянет дверь на себя, и он принялся лихорадочно вращать маховик запора. Стальные стержни медленно разошлись, раздвинулись и зашли в гнезда по сторонам двери.

– Все-все, теперь они не войдут сюда, – прошептал Денис и опасливо покосился на стальную дверь, в которую раз за разом ударялось что-то мягкое и скребли то ли когти, то ли зубы.

И тут истошный визг Даши прокатился под бетонными сводами бункера. В одну из амбразур просунулась страшная морда с горящими глазами. Мигающий свет фонарика бился в тесном помещении, раз за разом высвечивая оскаленные клыки.

– Пошел вон! – Витя подхватил фонарик и, что было силы, бросил его в голову существу.

Брызгами разлетелись остатки стекла. Развалившийся фонарик рухнул на пол. С недвольным урчанием существо исчезло. Бункер погрузился в полную темноту. Лишь слабо угадывались узкие прямоугольники амбразур.

Ребята замерли, вслушивались. Снаружи чувствовалось какое-то движение: вроде кто-то ходил, шуршала трава, изредка хрустели сухие ветки. А потом все затихло.

Подростки минут десять сидели молча. Первой отозвалась Даша:

– Ушли, кажется.

– А кто это был? – тихим-тихим шепотом спросил Денис.

– Откуда я знаю? Ребята, зажгите лучше свет.

Вспыхнул рыбацкий фонарик, залил тесное помещение неярким светом. На свежем бетоне возле амбразуры и на полу явственно просматривались крупные капли крови.

Витя выругался, несмотря на то что рядом была девушка.

– Это его кровь, – проговорил он. – А у кого есть кровь, тот не призрак. Значит, его можно убить.

– Ты кого убивать вздумал? Лучше покажи, что с рукой, – Даша бережно взяла руку своего парня.

Из рваной раны на запястье густо сочилась кровь и, срываясь, падала на бетонный пол.

– Промыть надо, продезинфицировать, – Даша глянула на Дениса.

– А у нас ничего такого нет. Ни йода, ни перекиси.

– Что, у нас совсем ничего нет?

– Только рыба, – Денис показал на пластиковое ведро, которое от испугу просто не выпустил из рук, когда бежал сюда.

– Потерпи, потерпи. Я тебя перевяжу, – Даша вытащила из кармана носовой платок и обмотала его вокруг раны.

Денис стоял, припав ухом к стальной двери.

– Ушли, точно ушли, никого рядом нет. Тишина полная.

– Может, затаились? – предположила Даша.

Она поднялась и, привстав на цыпочки, выглянула в амбразуру – увидела далекую стройку и сполохи сварки.

– Выбираться отсюда надо.

– Может, лучше дождаться утра? – спросил Денис.

– А что утром изменится? Эти чупакабры, что, только по ночам бегают?

– Утром рабочие придут, начнут кабель разматывать.

– Да ни хрена они не придут, – рассердилась Даша, – ни завтра, ни послезавтра... может, они вообще через месяц этот кабель укладывать начнут. А нам здесь что, подыхать? Утром меня отец хватится. Он с дежурства вернется. Мне домой надо.

– Ребята, давайте рассвета дождемся, тогда и уйдем, рано-рано, – стал уговаривать Денис. Даша подошла к двери, оттолкнула его, взялась за ручку маховика.

– Я пока выходить не буду, только приоткрою и гляну.

– Не делай этого, – Денис хотел остановить Дашу, но та вновь оттолкнула его.

– Ты понимаешь, что Витьку рану промыть надо. А то заражение крови начнется, – и она принялась отчаянно крутить ручку маховика.

Стальные стержни вышли из пазов, и девчонка толкнула металлическую дверь. Но та лишь вздрогнула, приоткрылась на тоненькую-тоненькую щелочку и во что-то уперлась – дальше ни в какую.

– Денис, помоги.

Но ни вдвоем, ни даже втроем ребята так и не смогли сдвинуть дверь дальше. Она словно бы упиралась в какую-то стену по ту сторону бункера.

– И что с нами теперь будет? – обессиленная, Даша опустилась на пол, обхватила колени руками и, уронив на них голову, тихо заплакала.

Глава 3

Обычно сотрудники ГИБДД выискивают на дорогах такие места, чтобы их патрульная машина не бросалась в глаза водителям, чтобы они замечали ее в самый последний момент, когда уже ничего невозможно сделать, только остановиться, повинувшись взмаху волшебной полосатой палочки – жезла.

Но на этот раз в окрестностях поселка Никитина Грива появился какой-то неправильный дорожный инспектор. Широкая лента недавно возведенной асфальтовой трассы уходила к лесу. Там в двух километрах после поворота дорога упиралась в контрольно-пропускной пункт с массивными железными воротами и вооруженной охраной.

Патрульная машина с бортовым номером и мигалками на крыше была видна еще издали – стояла на обочине, доступная всеобщему обозрению. Ларин, одетый в форму капитана ГИБДД, сидел за рулем, на заднем сиденье располагались двое крепко сложенных мужчин в камуфляже – члены тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, присланные Дугиным в помощь Андрею.

Мимо патрульной машины с ревом пролетел огромный, груженный золотистым песком четырехосный самосвал.

– Десятый уже, – проговорил Ларин. – Идут через равные промежутки времени. Как вы думаете, мужики, на хрена там потребовалось столько мелкого сеяного песочка?

Белобрысый гигант, о котором Андрею было известно лишь то, что зовут его Василием, пожал плечами:

– Кладочный раствор замесить или же штукатурный.

– Не думаю, – отозвался коренастый напарник Василия – Дмитрий. – На такие стройки обычно готовый раствор возят. В такой самосвал пятнадцать кубов влезает. Тут что-то другое. Столько штукатурки и кладочного раствора – это безумие какое-то.

Ларин улыбнулся.

– Кажется, я понял. Там пляж отсыпают. Вот почему и возят такие объемы. Задача перед вами, мужики, не слишком сложная, но ответственная – зафиксировать все, что только удастся: сами здания, технику, рабочих... Я вам помогу туда пробраться, – Андрей махнул рукой в сторону КПП, – а позже и сам к вам присоединюсь.

– Сделаем, – пообещал Василий.

Еще один самосвал пронесся рядом с патрульной машиной. Поток воздуха был таким сильным, что автомобиль даже качнуло.

– Никакого уважения к представителю власти, – ухмыльнулся Ларин. – На самосвале сзади значок «70» висит, а валит под все девяносто.

– Значит, силу за собой чувствует, – проговорил Дмитрий.

И тут на шоссе показался мотоцикл. Андрей прищурился, глядя на него в зеркальце заднего вида. Ведь до этого по шоссе, ведущего к воротам, проезжала исключительно строительная техника.

Мотоциклистом оказался полицейский с погонами старшего лейтенанта. Он затормозил и торопливо направился к Ларину, коротко отдал честь.

– Здравия желаю, товарищ капитан. Вы давно здесь?

– Уже третий час, – Андрей видел, что мужчина сильно взволнован.

– Я участковый, старший лейтенант Прохоров. Трое подростков в поселке пропали. Может, вы их видели? – И старлей, распахнув папку, показал Ларину фотографии.

– Это ваша дочь? – Андрей показал на фото Даши.

Удивление проявилось на лице старлея.

– Да, – растерянно проговорил он.

– Я вчера вечером, вернее, уже ночью их видел. Они на рыбалку собирались.

– Куда, не знаете?

– Насколько я понял, туда – за забор.

– Вот же черт, – проговорил Прохоров. – Спасибо за помощь, капитан!

Он бегом вернулся к мотоциклу. Затахтел мотор, и участковый помчался в сторону КПП.

– Странно все это, – проговорил Андрей, выбираясь из машины.

Он встал на обочине, сжимая в руке полосатый жезл. Вскоре послышалось гудение мощной машины, и очередной самосвал выскочил из-за поворота на полной скорости. Ларин махнул жезлом, показывая водителю, что нужно остановиться.

Четырехосная громадина сбавила скорость и съехала на обочину.

– Капитан Решетников, – представился Ларин.

Водитель смотрел на него с удивлением – так, словно не понимал, по какому праву его остановил офицер.

– Почему нарушаете скоростной режим? Вы что, за перекрестком знака «60» не видели?

– Так дорога ж пустая.

– Берите документы, и пройдем ко мне в машину, – приказал Андрей.

Водитель что-то хотел сказать, но Ларин уже шагал к своему автомобилю. Зажав под мышкой папку с бумагами, водитель неохотно забрался в автомобиль к Андрею. Дмитрия и Василия на заднем сиденье уже не наблюдалось.

– Так, права, техталон, техосмотр, путевка... – перебирал Ларин в руках документы.

Делал он это неторопливо, сличая фотографию на правах с лицом их обладателя.

– Так почему скоростной режим нарушаем?

– У меня спецнаряд, – с вызовом проговорил водитель.

– Это дела не меняет. Правила дорожного движения для всех одинаковы.

Чувствовалось, что у водителя еще что-то припасено, но он не хочет «открывать карты». Однако пришлось – нехотя он запустил руку в карман и вытащил удостоверение ФСО.

– Я при исполнении. Еще вопросы есть, капитан?

Естественно, вопросов у Ларина хватало. И первым из них был – какого черта сотрудник ФСО возит песок на стройку? Но задавать его Андрей не стал, а поступил так, как поступил бы на его месте настоящий гаишник.

– Вопросы нет. Счастливой дороги, – напутствовал он водителя.

– Слышь, капитан, если не хочешь неприятностей, не стой больше здесь, а то нарвешься. Тебя, что, не предупреждали?

Конечно же, Ларин не просто так останавливал самосвал, и не нарушение скоростного режима его беспокоило. Пока он беседовал с водителем в патрульной машине, Дмитрий с Василием делали свое дело. Они забрались в кузов самосвала и, вырыв углубление в песке, затаились.

Водитель сел за руль. Из выхлопной трубы пыхнуло гарью, и четырехосный карьерный самосвал помчался по ровному асфальту.

Андрей не стал искушать судьбу, понимая, что вскоре сюда могут нагрянуть коллеги водителя грузовика. Он развернул машину и поехал к поселку.

По дороге пришлось остановиться. Ларин снял со столба собственноручно повешенный им знак ограничения скорости до шестидесяти километров в час и положил его в багажник.

Самосвал затормозил перед железными воротами. Охранник придиричиво осмотрел кабину, даже заглянул под машину. Василий и Дмитрий лежали, не поднимая голов. До их слуха донесся обрывок разговора на повышенных тонах. Старлей Прохоров настаивал на том, что его должны пропустить. Охранник же, теряя терпение, втолковывал ему, что поиском пропавших детей займется служба охраны объекта.

– ...мы сразу же сообщим вам.

Чем окончился разговор, помощники Ларина так и не узнали. Хлопнула дверца, и самосвал въехал в ворота. Дмитрий осторожно выглянул из кузова.

Самосвал катил по дороге, проложенной сквозь лес. В перспективе виднелась озерная гладь.

– Хоть бы остановился, – пробурчал Дмитрий, – а то как-то не хочется выпрыгивать на скорости.

Но автомобиль не сбавлял ход – мчался по дороге. Пару раз навстречу попались уже порожние самосвалы, и тогда Василий с Дмитрием вновь вжимались в песок.

– А ведь точно, к самому побережью едем, – проговорил Дмитрий, когда машина вырвали к озеру.

– Может, сейчас рискнем? – сказал Василий.

– Мы тут как на ладони, не получится.

Самосвал уже ехал, переваливаясь по глубокой колее, продавленной в свежесыпанном песке. Неподалеку тарахтел мощный бульдозер, ползал грейдер. Весь берег до ближайшего мыса покрывали кучи песка: мелкого, желтенького, отчего ладожское побережье походило на пустыню, усеянную барханами.

Самосвал, подрагивая, развернулся и сдал задом. Задний борт уперся в кучу песка, загудела гидравлика, кузов стал подниматься. Песок хлынул в щели.

– Руку давай, – зашипел Василий, когда Дмитрия чуть не унесло потоком.

Мужчинам чудом удалось не оказаться погребенными заживо. Они перемахнули через борт и скатились по влажному сырому песку в ложбину, замерли. Самосвал уехал. Василий отплевался.

– Черт, полный рот песка набилось.

Дмитрий дернул «молнию» сумки.

– Главное, что камера жива.

Лазутчики прислушались. Где-то совсем рядом нутужно завывал турбонаддувом дизель бульдозера.

– Давай выбираться отсюда, а то засыплет на хрен.

– Ну да, и никто не узнает, где могилка твоя, – отозвался Василий.

И они по-пластунски поползли меж куч песка.

Отсыпка упиралась в кусты. Захрустели ветки, и наконец-то Дмитрий с Василием смогли перевести дыхание.

– Размах впечатляет, – Василий достал камеру и принялся снимать стройплощадку. – Точно, пляж насыпают. Кому-то природного мало. Это ж сколько денег вбухать надо?..

– Ты лучше туда посмотри, – и Дмитрий указал на высокий обрывистый берег.

– Вот это да. Никогда раньше такого не видел.

Вдоль обрыва поблескивала никелированными перилами лестница-серпантин. Ее прикрывал от непогоды прозрачный пластиковый навес.

– Это чтоб дождик не намочил. Кто-то очень сильно о своем комфорте заботится.

– О своем и своих гостей. Не сильно похоже на дом-интернат для детей-инвалидов, – Василий тщательно фиксировал на камеру чудо-лестницу и возводимую рядом с ней башню с лифтом.

– Получается, что двигаться нам надо в том направлении, – Дмитрий зашелестел картой.

Мужчины стали взбираться на береговой откос. Вскоре они уже оказались на краю леса, за которым расстилалась строительная площадка. От старого детского дома не осталось и следа. Теперь на его месте высилось шикарное строение в современном стиле хай-тек. Отделочные работы еще не были завершены, но даже в таком виде здание поражало роскошью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.